

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

ПО ТУ СТОРОНУ ЛУНЫ

Литературоведческие этюды

**Памяти Мурата
Мухтаровича Ауэзова**

*Продолжение.
Начало в № 1, 2025.*

* * *

«Из числа тюрков я – один из самых красноречивых и ясных в изложении, образованнейший, благороднейший по происхождению и самый ловкий в метании копья», – с чувством собственного достоинства говорит о себе великий представитель правящей династии Караханидов, талантливейший этнограф, языковед, географ, историк, ко всем этим определениям более всего подходит ёмкое слово – энциклопедист – Махмуд ибн аль-Хусайн ибн Мухаммед аль-Кашгари. Правнук правителя Богра-хана (Бурахана) родился в первой четверти XI века, ориентировочно в 1029–1039 годах в местности Барскоон вблизи Исык-Куля. Выходец из рода барсаган династии Караханидов получил образование в Кашгаре и продолжил учёбу в Бухаре и Багдаде. Обладал научно-энциклопедическими знаниями по правоведению, арифметике, Корану, шариаху и хадису, а также досконально изучил арабо-персидские языки, литературу и культуру. По мнению исследователей, именно в Багдаде Махмуду аль-Кашгари пришла идея создания великого труда своей жизни – «Диван Лугат ат-турк» («Словарь тюркских наречий»).

«“Диван Лугат ат-турк”, – утверждал в своё время известный тюрколог А. Н. Кононов, – является единственным источником информации о жизни тюрков XI века: о предметах их материальной культуры, реалиях быта, об этнонимах и топонимах, родоплеменном делении, о терминах родства, титулах и наименовании различных должностных лиц, названиях пищи, питания, о домашних и диких животных и птицах, о терминах животноводства, о географической терминологии, городах, названиях болезней и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, о военной, спортивной, административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этнической терминологии, о детских играх и забавах».

По одной из версий, «Диван Лугат ат-турк» Махмуд аль-Кашгари создал на основе труда учёного из Багдада Абд ар-Рахман аль-Басри «Китаб ул-айни» (VIII в.). Копия, сотворённая в 1266 году, была найдена у продавца старых вещей в 1915-м. В труде, состоящем из трёх томов и восьми книг, научно систематизированы около семи тысяч тюркских слов. Махмуд аль-Кашгари впервые в истории тюркологии использовал историко-сравнительный метод, создал основы диалектологии, сохраняя особенности тюркских племён, при описании слов использовал 242 бейта и 267 пословиц и поговорок. В «Словаре» наряду со строками, воспевающими героизм тюркских народов, чувства влюблённых и явле-

ния природы, приведены и образцы суфийской поэзии, которым в дальнейшем следовал в своих поэтических и философских трактатах Ходжа Ахмет Ясави.

Интересна и древняя круглая карта, составленная автором «Словаря», где указываются места расселения тюркских племён, других стран и народностей того периода. Центром данной уникальной тюркской карты являются города Кашгар и Баласагун, что существенно помогло известному учёному-археологу У. Х. Шалекену спустя тридцать лет с начала ведения археологических раскопок окончательно локализовать расположение Баласагуна в местности Актобе Чуйского района Жамбылской области.

По некоторым данным, Махмуд аль-Кашгари являлся автором ещё одного научного труда – «*Китаби джавахир ан-нахв фи лугат ат-турк*» («Про ценные качества синтаксиса тюркских языков»). Однако, к нашему глубокому сожалению, эта книга не сохранилась.

По утверждению известного узбекского учёного Эргаша Агзамовича Умарова, тюрки за период с VII по XIX век создали значительное число письменных памятников руническими, согдийскими, брахми, уйгурскими и арабскими письменами. Хранятся они в востоковедческих фондах Парижа, Лондона, Дели, Стамбула, Тегерана, Вены, Берлина, Санкт-Петербурга, Ташкента. Среди лингвистических трудов особо выделяется «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари, единственный экземпляр которого находится в Стамбуле, в библиотеке «Миллет Генель». Рукопись состоит из 319 листов размером 239 на 169 мм. На каждой странице данного тюркско-арабского памятника 17 строк, написанных почерком «наسخ». Особая ценность «Диван Лугат ат-Турк» состоит в том, что тюркские слова огласованы, то есть показаны орфография и орфоэпия слов. Судя по колофону, Махмуд аль-Кашгари завершил работу после четырёхразового редактирования в 446 году хиджры, что соответствует 1074 году. Текст сохранившейся рукописи был переписан с оригинала двумя столетиями позже – в 644 году хиджры, то есть в 1266 году, писцом Мухаммад ибн Аби Бакр ибн Аби-л-Фатх ас-Сави, позднее – ад-Димашки.

В предисловии «Дивана» учёный указывает, что труд его посвящён аббасидскому халифу аль-Муктади, высокому духовному авторитету, правившему в Багдаде в 1075–1094 годах.

При составлении словаря Махмуд аль-Кашгари, как установили Г. Бергштрессер и А. Б. Халидов, опирался на арабский словарь Абу Ибрахима Исахака ибн Ибрахима аль-Фараби «Диван аль-адаб фи байан Лугат аль-араб» («Словарь арабского языка в литературных цитатах»). Таким образом, сейчас науке известен прототип «Дивана». Ценность данного словаря заключается в том, что Махмуд аль-Кашгари как диалектолог тысячу лет тому назад на коне объездил места, где проживали тюрки. В предисловии «Дивана» он пишет: «Я прошёл их города и степи, узнал их наречия и стихи: тюркский, туркмен-огузский, чигили, ягма и кыргызский. Наречия всех племён усвоены мной в совершенстве и изложены изящной чередой». Ввиду огромной ценности «Дивана» для тюркоязычных народов, населяющих широкие просторы Азии, он на протяжении двадцатого столетия издавался сначала на турецком, затем на узбекском, уйгурском, английском, казахском¹ и персидском языках. Теперь, благодаря труду Зифы-Алуа Ауэзовой, он впервые издан на русском языке в Алматы издательством «Дайк-Пресс» в объёме 1300 страниц.

¹ Известный казахский поэт и учёный Аскар Егеубаев в конце прошлого века перевёл «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари на казахский язык, поэтически придав древнетюркским лексемам именно казахское звучание, тем самым эмоционально приблизил древний памятник к современному казахскому читателю.

* * *

Зифа-Алуа Ауэзова впервые в истории востоковедения осуществила полный русский перевод с арабского оригинала тюркского лексикографического словаря «Диван Лугат ат-Турк»², составленного в XI веке Махмудом аль-Кашгари.

Первые же отзывы крупнейших научных центров Евразии свидетельствуют о том, что данный фундаментальный и уникальный труд «обречён» на славное будущее, ибо «Словарь» во все времена был и остаётся объединяющим средством общения нашего бытия. И это тем более актуально и принципиально важно в эпоху Интернета и новых технологий, когда идёт «карикатурная» война представителей христианского и мусульманского миров, когда мы, земляне, переступаем порог глобализации нашей эпохи, во многом чреватой нивелированием наших чувств и этического восприятия нашего прекрасного и противоречивого бытия.

Уникальна сама судьба «Словаря» Махмуда аль-Кашгари. Ценнейший источник знаний общечеловеческого масштаба обретает славу далеко за пределами мусульманского мира. Гениальный труд Махмуда аль-Кашгари был сотворён в далёком XI веке и через рукописные свитки целое тысячелетие ждал своего часа, своего «мига сознания», своего «момента истины», когда в начале двадцатого столетия был впервые издан в Турции, затем были издания фрагментов на немецком (К. Броккельман), на турецком (Б. Аталай). На основе труда Махмуда аль-Кашгари были созданы «Словарь среднетюркского языка», «Древнетюркский словарь», «Этимологический словарь тюркского языка до XIII века» в СССР, Китае, Великобритании, Турции, Азербайджане, США. Обо всём этом, а также о многих других факторах создания «Словаря» и его последующей удивительной судьбе, возраст которой вбирает в себя целое тысячелетие, с научной глубиной знания исследуемого материала, ёмко и образно выражено и высказано в обширном предисловии учёного и автора перевода. Со всей убеждённости отмечаю, что само это предисловие является своеобразным дастаном, эпосом и поэмой в прозе во славу великого труда Махмуда аль-Кашгари. «Кубом дымящейся совести» называл книгу Борис Пастернак. Со всей ответственностью это определение я отношу как к «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари в целом, так и к переводу данного словаря на один из пяти протокольных языков Организации Объединённых Наций – русский, который в силу сложившихся исторических обстоятельств является объединяющим средством для большинства тюркоязычных этносов. Я горжусь, что именно в Казахстане, именно в Алма-Ате был сотворён и издан данный перевод «Диван Лугат ат-Турк».

В настоящее время уделяется пристальное внимание и со стороны государства, и со стороны общественности глубокому изучению государственного языка – казахского, который во все времена был неотъемлемой и составной частью тюркоязычного мира. Убеждён, что в этом нравственном и глубоко национальном, всенародном начинании роль и значение данного перевода «Диван Лугат ат-Турк» чрезвычайно существенные, если не определяющие. Через пословицы и поговорки, через фольклорные поэтические образы, которые в силу своей нетленности пережили и переживут не одну земную жизнь и не одно поколение, и которые, словно жемчуг или бисер, рассыпаны по всем бесмертным страницам «Словаря», именно эти страницы и образы неопределимо помогут нашим современникам поверить в будущее казахского языка, который, во многом благодаря этому изданию, станет не только языком наших от-

² *Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Перевод и предисловие З-А. М. Ауэзовой. Индексы Р. Эрмерса. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.*

цов и наших предков, как это собственно и было до недавнего времени, но и полнокровным языком наших детей и внуков.

Благодаря полному переводу гениального труда Махмуда аль-Кашгари, осуществлённому большим учёным и патриотом тюркской и казахской культуры Зифой-Алуа Ауэзовой, русскоязычный мир познал великое и непреходящее значение тюркских наречий, которые на равных, а во многих случаях и превосходят по образности и глубине суждений арабские и ирано-персидские словосочетания и словообразования. Это постигал и понимал во время создания своего труда Махмуд аль-Кашгари, это постигала и глубоко осознавала за время создания своего перевода «Словаря» Зифа-Алуа Ауэзова.

«Тюркские наречия идут наравне с арабским языком, подобно двум коням на скачках» («Диван Лугат ат-Турк», с. 5).

*«Аллах Всевышний вознёс светило Удачи к созвездиям тюрков,
царство их расположил среди небесных сфер,
назвал их ат-турк
и наделил могуществом,
сделал Правителями Века
и вложил им в руки бразды правления миром,
возвысил над [остальными] людьми,
усилил тех, кто был им близок и предан, направив к истине»* («Диван Лугат ат-Турк», с. 2).

Мне довольно часто приходится бывать на южном берегу Иссык-Куля, вблизи Барскоона, где на расстоянии одного-двух горных перевалов, но уже в Китае, находится Кашгар, в котором родился создатель «Диван Лугат ат-Турк» Махмуд Кашгари, а вблизи Кашгара есть селенье Опал, где он похоронен. Барскоон является родиной отца и предков Махмуда аль-Кашгари. По Барскоонскому ущелью не раз проходил со своим караваном в Кашгар мой предок Чокан Валиханов. Каждое лето, находясь в одном природном ландшафте, в котором творили и обитали знаковые фигуры тюркского этноса, я не раз задавал себе вопрос: «Почему, проживая подолгу в Кашгаре, красочно и образно описав его обитателей, будущий учёный и член Русского географического общества Чокан Чингисович Валиханов ни словом не обмолвился о Махмуде аль-Кашгари?» Не было и свитка его «Словаря» среди книг, которые он привёз из Кашгара. И только в дневнике Чокан Валиханов вскользь упоминает о предке Махмуда аль-Кашгари Богра-хане. Воистину, всё в воле Аллаха, Милостивого, Милосердного, в Нем помощь!

Видимо, необходимо было Время – Космос, Время – Мир, Время – Судьба. Одним словом, заман-ажун, когда сквозь толщу времени, словно сквозь прозрачную толщу чаши Иссык-Куля, проступят и проступают страницы бесмертного свитка «Словаря» Махмуда аль-Кашгари. И как волны Иссык-Куля, которые порой выносят на берег нашего бытия останки затопленного города в образе амфор и глиняных чаш, так и волны времени выносят ключи к тайным глубинам «Словаря». Выносят не всем, лишь избранным. В данном случае Зифе-Алуа Ауэзовой, этой маленькой, но полновластной хозяйке великого Храма Тюркологии. То, что не успел свершить наш предок Чокан Валиханов, то, что не успели академики В. В. Бартольд и С. Е. Малов, то, что в силу исторических причин и диктата своего времени не довели до логического завершения А. Н. Кононов и И. В. Стеблова, – выпала честь и высокая ответственность завершить нашей современнице Зифе-Алуа Ауэзовой. Выход перевода «Диван Лугат ат-Турк» совпал с окончанием первого этапа Государственной программы «Культурное наследие». Необходимо отметить, что данный перевод

был осуществлён и издан вне финансовых и временных рамок этого проекта. И тем самым превзошёл все мыслимые ожидания, ибо сам процесс творчества и процесс перевода только тогда являет собой существенный, а в данном случае академический результат, когда он не отягощён календарными сроками, когда он происходит вне регламента и вне протокола.

Выпускница восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, учёный-востоковед Зифа-Алуа Ауэзова чётко понимает и всесторонне пропагандирует дело всей своей жизни «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгари. Она соизмеряет сей труд с реалиями современности, подчёркивая непреходящее значение данного «Словаря»:

«Диван Лугат ат-Турк свидетельствует о том, что в XI веке тюркский язык, распространившись по обширным географическим ареалам, являлся главным объединяющим фактором тюркского этноса, вобравшего в себя множество идейных и антропологических элементов человечества. Избрав для своего сочинения форму словаря, аль-Кашгари объединил многочисленных носителей тюркского языка своей эпохи в единую цивилизационную систему.

Заявленная высота соперничества языка тюрков с арабским и многогранная демонстрация богатства словесного наследия тюрков на фоне их исторического триумфа, когда тюркские военачальники были удостоены титула «султанов Ислама», бесспорно свидетельствуют о том, что Махмуд аль-Кашгари предрекал тюркскому языку статус второго международного языка в мусульманском мире – языка, по значимости, богатству и выразительности соразмерного языку Корана.

В результате исторических событий X–XI веков обозримое пространство цивилизационного единства тюрков ассоциировалось с «землями Ислама», важнейшим культурным компонентом которых являлся язык арабов. Именно через арабский язык и арабский алгоритм языкознания сведения о языке и культуре тюрков могли наиболее благоприятным образом распространиться в обширном мусульманском социуме. Исходя из этого, Махмуд аль-Кашгари наполнил категории арабо-мусульманской науки содержанием тюркских наречий, создав прообраз фундаментального произведения тюрко-мусульманской культуры.

«Диван Лугат ат-Турк» расширил область познаний мусульманской науки XI века, впервые обогатив её энциклопедическими сведениями о языке и культуре тюрков. В XX веке этот гениальный труд обрёл славу далеко за пределами мусульманской цивилизации, явившись ценнейшим источником знаний общечеловеческого масштаба».

Как когда-то существовала школа великого Абая, так в настоящее время, на стыке веков, складывается и уже даёт свои творческие всходы и результаты школа гения казахской словесности Мухтара Омархановича Ауэзова. Я, как поэт и издатель пятидесятитомного собрания сочинений М. О. Ауэзова, со всей ответственностью отношу и себя к этой школе. Фамилия Ауэзов в творческом, духовном и нравственно-эстетическом плане является нациообразующей. И тем выше ответственность, тем более велика задача – найти свою тернистую тропу и свою высоту в мире науки и просвещения. Считаю и глубоко убеждён, что с этой задачей и с этой высотой Зифа-Алуа Ауэзова справилась блестяще, являясь сотворцом непреходящих ценностей, снискавших всестороннее признание в стране и за рубежом.

* * *

Принято считать, что необходимость создания «Словаря» Махмуда аль-Кашгари вызвана в первую очередь тем, чтобы всесторонне ознакомить представителей арабского мира, проповедующих на уровне государственного статуса ислам, с образцами местных тюркских культурных, бытовых и социальных

наречий, элементами фольклора, язычества, ритуалов и обычаев. Но это, на мой взгляд, только внешняя, видимая сторона его многовековой судьбы. «Словарь» знакомил и роднил по тюркскому диалекту многих обитателей Восточного Туркестана, Центральной Азии, Ирана, Кавказа, Поволжья, Приуралья, жителей берегов Сырдарьи и Амударьи, Или и Иртыша, Крыма и Восточной Европы. «Диван Лугат ат-Турк» стал своеобразной предтечей «Кодекса Куманикус», который был создан в XII веке в Крыму, а может быть, в Генуе или в Венеции.

По утверждению академика Марата Карибаевича Барманкулова, X–XII века – тюркский ренессанс. Арабский халифат был свергнут. Их язык перестал быть обязательным, государственным. Возникли благоприятные условия для возвращения и развития тюркского литературного языка. Большинство литературных памятников вновь стало создаваться на общетюркском языке. На родном – тюркском – были написаны «Благодатное знание», «Подарок истинный», «Словарь тюркских наречий». Караханидское государство стало центром развития тюркоязычной культуры. Оно возникло в середине X века на территории Семиречья и части Восточного Туркестана – Кашгарии. Родоначальником династии Караханидов стал Сатук Богра-хан (915–955 годы). Постепенно территория Караханидов стала расширяться, вбирая в себя остальные районы Восточного Туркестана, долины рек Чу, Таласа, Сырдарьи, значительную часть Мавераннахра. В Караханидское государство вошли канглы, карлуки, чигили, ягма, а столицей стал город Кашгар, затем Баласагун, позже Узген.

Вместе с Караханидским государством в XI столетии на западе начала формироваться Кипчакская империя. Она охватила огузские земли в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи, приаральские и прикаспийские степи, Хорезм. Уже к середине XI века Кипчакская империя простиралась от Иртыша до Волги и далее до Днепра и Дуная.

В Таразе возводятся величественные архитектурные сооружения тюрков. До сих пор сохранились мавзолеи Айша-Биби и Бабаджи-хатун, купола Аяк-камыра и Алаша-хана, мавзолеев Караханидов.

Среди тюркоязычных учёных выделяются Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагуни, Ахмад Югнаки, Ахмет Ясави.

«В 1072–1074 годах Махмуд аль-Кашгари составит “Словарь тюркских наречий”. Это было глубоко научное издание, и в то же время нечто вроде учебника и альманаха. В труде представлены основные жанры тюркоязычного фольклора. В том числе о походе Александра Македонского в область тюрков-чигилей.

Будучи представителем караханидской знати, а, может, и прямым представителем династии, Махмуд аль-Кашгари посетил почти все регионы проживания тюрков. В Багдаде у него созрел замысел труда, который бы объяснил всем менталитет тюркских народов, их обычаи, мировоззрение. Важно было собрать и обобщить обширный историко-культурный и лингвистический материал, показать особенности мировосприятия тюрков, впитавших в себя предшествующее многовековое наследие предков»³, – написал М. Барманкулов. Я бы к этому добавил, что объяснить не только другим, но и себе самим, тюркам, о своём величии и благородстве. Махмуд аль-Кашгари не только возвеличил своих соплеменников, но и обличил их пороки и недостатки. И ныне не потерял актуальности его пассаж по поводу стяжательства и накопительства: «Вещи и имущество человека – его враги... Скопив богатство, считай, что это низвергся поток воды – словно волна, катит он своего обладателя вниз. Все мужи испортились из-за вещей. Увидев богатство, они кидаются на него, слов-

³ Барманкулов М. Хрустальная мечта тюрков о квадронации. Алматы: ОФ БИС, 1999.

но гриф на добычу... Они держат приобретённое, плача от скупости, они копят и копят золото. Из-за вещей, не памятуя о боге, сыновей своих и родственников они и в самом деле готовы задушить».

Читая и перечитывая страницы «Словаря», словно бы погружаешься в невидимые, но осязаемые волны поэтической Вселенной, извлекая вместе с прибрежной пеной бытия крупинцы «вещества поэзии» тюрков:

*Красное с жёлтым, словно подруги,
Не разнять их вовек.
Зелёное с алым, держась друг за друга,
Твердят: «Так живи, человек!»*

Как переводчик казахского фольклора замечу, что в своё время, работая над переводом лироэпической поэмы «Кыз Жибек», я не раз и не два обнаруживал эти поэтические словосочетания: «красное с жёлтым», «зелёное с алым», «белое с золотым». К примеру:

*– Ткут белый с золотом узор,
И, как недотканный ковер,
Так продолжается, Жибек,
Весь наш с тобою разговор.*

*– На узор узор взамен
Я сплетаю, Тулеген,
Мне рисунок подсказали
Родичи семи колен.*

Если проецировать время сотворения казахским народом фольклора «Кыз Жибек» (XVII век) на более раннее время создания «Словаря» Махмуда аль-Кашгари (XI век), то можно смело утверждать, что многие казахские пословицы, поговорки, прибаутки, поэтические фрагменты тюркского фольклора стали известны не только арабоязычному миру, но еще задолго до времени рождения «Словаря» они были близки и понятны многим разрозненным племенам единого тюркского эля. Именно эти элементы крылатых слов и народной поэзии тюрков стали основой при создании в будущем героического эпоса и лироэпических фольклорных произведений – «Кобыланды батыр», «Камбар батыр», «Ер Таргын», «Алпамыс батыр», а также стихов и баллад Казтугана, Доспамбета, Асан Кайгы. Об этом широко и подробно исследуется в книгах Мухтара Магауина «Кобыз и копье», «Алдаспан», «Поэты Казахстана» и в книге Немата Келимбетова «Ежелгі әдеби жәдігерліктер» – «Древние литературные памятники», где автор непосредственно ссылается на влияние «Словаря» Махмуда аль-Кашгари при возникновении фольклорных произведений.

На примере многовековой истории Восточного Туркестана можно также утверждать, что книгопечатание ксилографическим способом (и древнекитайское, и древнеиндийское, и древнетюркское) берёт своё начало в VII веке в Туркестане.

«Находка тангутских ксилографов в Харо-Хото говорит о высоком уровне развития книгопечатания в XI–XII веках в государстве Западное Ся⁴.

Начало книгопечатания в Тибете относят к X–XI векам. Несомненно, оно было заимствовано из Восточного Туркестана. Начало книгопечатания в Восточном Туркестане относят к середине VII века. Все остальные регионы: Тибет, Китай, Тангут, Монголия освоили ксилографическое книгопечатание на несколько веков позже.

Время появления древнетюркских ксилографических памятников относят к VII–VIII векам. Верхняя граница колеблется в пределах XI–XV веков. Можно с полным правом утверждать, что Восточный Туркестан первым в мире

⁴ Восточный Туркестан.

освоил книгопечатание ксилографическим способом с середины VII века. Это были буддийские тексты. С того же времени начали появляться и первые ксилографические древнетюркские издания. Тюркское книгоиздание способом ксилографии продолжалось не менее девяти веков непрерывно. Ксилографические тексты на тюркском языке зафиксированы как на руническом, так и на курсивном письме»⁵.

Время создания «Словаря» (XI век), его многовековая судьба, вбирающая в себя почти тысячелетие, выводят на определенные исторические параллели – и во времени, и в пространстве, которое пусть в изменённом виде, но всё же присутствует названиями географических местностей на древней тюркской карте Махмуда аль-Кашгари.

Как известно из истории Караханидов, Махмуд аль-Кашгари четырежды редактировал «Диван Лугат ат-Турк», прежде чем подарить его высокому духовному авторитету, правившему в Багдаде в 1075–1095 годах, аббасидскому халифу аль-Муктади. Спустя два века, в 1266 году, переписчик Мухаммад ибн Аби Бакр ибн Аби-л-Фатх ас-Сави сделал копию с оригинала, а позднее – ад-Димашки, только неизвестно – копию с копии или также с оригинала.

Обычно о том, что была неоднократная редактура или была произведена копия, свидетельствуют колофоны – приписки к рукописи: кем и когда была совершена переписка копии с рукописи или же редактура. Но суть не в этом, наверняка были ещё копии, да и не одна. Ещё в середине первого тысячелетия обитатели Восточного Туркестана имели тюркскую письменность «с непривычными для Китая поперечными строками и на непривычном для Китая материале – пергаменте, выделанной коже». Позднее тюрки писали и на пальмовых листьях (индийское письмо), и на шёлке, а в канун создания «Словаря» в Восточном Туркестане уже всю практикувалась бумага.

Великий Шёлковый путь и в канун своего заката был транспортной артерией не только всевозможных товаров с Востока на Запад и наоборот. Этот путь, который веками пролегал через Баласагун и Кашгар, был и путём духовного взаимодействия. Местами сосредоточения местного люда и торговцев-караванщиков, разумеется, являлись караван-сарай, религиозные центры в лице мечетей, церквей, костёлов, синагог, буддийских храмов и монастырей, где сооружались ступы и святилища, а также, несомненно, многолюдные восточные базары и европейские рынки. Продавалось и обменивалось всё – от пряностей до рабынь и рабов, от шёлка и мануфактуры до печатных и рукописных книг и религиозных текстов.

«Тюрки основывали свои чисто светские своды правил, энциклопедии поведения на знании всей философии, науки, религии мира – от Аристотеля и Платона до Конфуция, Иисуса и Магомета. Но шли они от своих легенд и представлений, излагали их на тюркском языке и на тюркском алфавите, как руническим, так и курсивном.

Древнетюркский вклад в философию жизни каждого и в представлении об общем государственном строительстве – это блестящий ряд сочинений, идущий от орхон-енисейских поэм VIII века, «Ырк битиг» – «Книги сентенций» X века, от «Книги Коркута», вобравшей в себя легенды VII–XIII веков Ахмада Югнаки, энциклопедии «Словарь тюркских наречий» – «Диван Лугат ат-Турк» XI века Махмуда Кашгари, «Кодекса куманикус» XII–XIII веков. Эти сочинения запечатлены как тюркским письмом – руническим и курсивным, так и письмом индийским, манихейским, китайским, арабским и латинским. В них нашли отражение светские представления прототюркских государств Элама и Хараппы, таких религиозных деятелей, как Заратуштра, Будда, Мани, Тен-

⁵ Барманкулов М. Хрустальная мечта тюрков о квадронации. С. 106–107.

гри и Умай, Иисус, Магомет, Ясави, античная философия Аристотеля и Платона, Конфуция, аль-Фараби, достижения персов и арабов, тема любви как всеобщего правила поведения Низами. И в то же время в них преобладали реалии тюркской жизни, их взгляды на жизнь и мироздание, основанные на добре, гуманности, деловой активности, росте благосостояния, возможности сосуществования разных противоположностей – хозяев и рабов, друзей и врагов, тюрков и не тюрков, зелёного и пурпурного, алого и жёлтого»⁶. И среди этой духовной пищи в корджунах каравана были и аналогичные словари, столь необходимые в дни многомесячного путешествия по просторам обитания многочисленных тюркских племён.

Махмуд аль-Кашгари в «Диван Лугат ат-Турк» не только перечисляет состав тюркских племен, вошедших в Караханидское государство. Он, словно бы комментируя созданную им карту, сообщает: «Первое из племён около Византии – печенеги, кипчаки, огузы, йемеки, башгирты, басмилы, кей, йабаку, татары, кыргызы, а они около Сина. Все эти племена от пределов Византии простираются на Восток. Затем чигили, тухси, ягма, играки, джаруки, чумулы, уйгуры, тангуты, хитай, а это Син, тавгач, а это Масин. Эти племена расположены между югом и севером».

Кипчакская империя, вбирая многие из этих племён, расстилалась к северо-западу от Восточного Туркестана. О том домонгольском периоде воистину родственно-братских отношений Степи и Поля, о смешанных браках достойных представителей тюрков и русичей не раз писали в своих трудах Лев Гумилёв и Олжас Сулейменов. То, что было, мягко говоря, не понято, не принято и не признано советскими учёными-исследователями «Слова о полку Игореве», являлось для моего учителя Олжаса Омаровича Сулейменова естественным в силу незаурядного ума и большого таланта учёного и поэта.

Время создания «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари было и временем событий и действий, запечатлённых в «Слове о полку Игореве». Это было временем заката Хазарского каганата и расцвета Кипчакской империи, временем проникновения на обширные просторы Степи и Поля христианства, мусульманства, иудаизма и буддизма. Ещё далеко было до прихода Чингисхана, возникновения Золотой Орды, а затем Крымского, Казанского, Сибирского, Астраханского, Казахского ханств, а затем, родной по языку и фольклору, родной нам, казахам, до последнего позвонка, Орды Ногайской. Но уже в это уникальное время жили и действовали городища Чуфут-Кале и Мангуч, в которых обитали караимы и крымчаки, их всех вместе с половцами-куманами-кипчаками, печенегами, берендеями, торкинами, гагаузами, огузами, татарами, мангытами, канглами, уйсунями, уйгурами, жалаирами, адаями, черкешами, киятами, конратами, дулатами, мадьярами, шымырами, албанами, найманами, уаками и многими-многими другими родами и племенами Степи, Поля, Черноморского побережья, Северного и Южного, Каспия, Кавказа, Кашгара, Баласагуна, Туркестана, Алтая, Тарбагатай, Иртыша и Забайкалья, Западного и Северного Китая, Центральной Монголии объединял и зачастую сплачивал великий тюркский язык. Естественно, что тюркизмы той эпохи, видимые и невидимые, произрастали добрыми семенами во многих диалектах, а зачастую являлись и корнеобразующей основой.

«Слово» – уникальный памятник, в котором сохраняются многие тюркские лексемы в их самых первых значениях. Невидимый тюркизм – одно из главных доказательств подлинной древности «Слова о полку Игореве», в основе языка которого лежит южно-русский диалект XII века»⁷.

⁶ Барманкулов М. Хрустальная мечта тюрков о квадронации. С. 77–78.

⁷ Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата: Жазушы, 1975. С. 59.

Олжас Сулейменов убеждён, что автор «Слова о полку Игореве» знал один из тюркских языков и разбирался в наречиях. Ведь автор «не стенографирует речи персонажей, но достаточно точно стилизует их: бусоврамне у него говорят на западно-кипчакском звонком диалекте. Гзак окает, как среднеазиатский тюрк: “ходын” вместо “хадын”, “когань” вместо “каган”.

Половецкая конфедерация племён не была моноязычной, как, например, казахская после XVI–XVII веков. Языки половцев еще не утратили племенной специфики, и поэтому мы вправе ожидать в тюркских элементах «Слова» диалектное разнообразие.

“Ордынский” язык XV–XVI веков был уже однообразнее. И даже если П-16⁸ знал его обиходно, то не все авторские тюркизмы “Слова” были доступны его пониманию⁹.

То, что с присущей ему интонацией, вьедливо и с сарказмом «впечатывал» в свой труд «Аз и Я» Олжас Сулейменов, то, о чём с чувством собственного достоинства доказывал «невегласам учёным», а именно – присутствие на молекулярном уровне «видимых» и «невидимых» тюркизмов в «Слове о полку Игореве»; необходимо признать, что эти самые тюркские слова и наречия посредством пословиц и поговорок, а также иных словосочетаний уже «работали» на академическом уровне в «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари, присутствовали со времён событий, описываемых в «Слове», и ранее, а следовательно, смею утверждать, что автор «Слова» не только знал один из тюркских диалектов, но и сам был носителем этого языка. Так же, как и представители многих племён и народностей Поля и Степи, перечисленных мной выше, которые единой корневой системой тюркских наречий являлись своеобразными соавторами «Словаря» Махмуда аль-Кашгари, соавторами в силу того, что с самого рождения были носителями великого и неумирающего тюркского Слова.

Необходимо отметить, что известный казахский тюрколог Абжан Курышжанов, являясь автором многих научных трудов по орхон-енисейскому руническому письму, старокипчакским литературным памятникам, а также «Кодексу куманикус», ещё в 1970 году опубликовал монографию «Исследование по лексике старокипчакского письменного памятника XIII века – “Тюркско-арабского словаря”».

А если проецировать от времени создания «Словаря» Махмуда аль-Кашгари вглубь веков, то луч поиска падёт на стелы VII–VIII веков орхонских надписей, освещая письменность «вечных камней», которая вбирает в себя именно тюркскую основу.

Судьба «Словаря» Махмуда аль-Кашгари менее драматична, чем многовековая история «Слова о полку Игореве». Ровесники по времени создания и действию, эти два великих памятника пришли к нам сквозь громаду лет не в оригинале, а в списках, и в том, и в другом случае присутствует базар – Астраханский и Стамбульский. О том, как один из списков «Слова о полку Игореве» вместе с целым возом старых бумаг и хлама увез с Астраханского базара некий «тайнственный казах», подробно описывает Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я». А копия рукописи «Словаря» Махмуда аль-Кашгари, как пишет в своем предисловии З.-А. М. Ауэзова, в начале XX века принадлежала человеку по имени Назиф Паша, проживавшему в Вани Огуллари в Турции, он передал её в дар своей родственнице как ценную вещь. Приблизительно в 1915–1917 годах копия рукописи была выставлена на продажу на книжном рынке Стамбула и приобретена известным библиофилом Али Эмири. Позднее (вместе со всей

⁸ Переписчик XVI века.

⁹ Сулейменов О. Аз и Я. С. 127.

коллекцией Али Эмири) она попала в библиотеку Миллет Генель в Стамбуле, расположенную в районе Фитих. Здесь она и хранится по сей день.

Необходимо отметить, что многие древние рукописи и издания аналогичным путем пришли к своему бессмертию. Достаточно вспомнить великого караима Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1874 гг.). Являясь носителем тюркского языка, как и его древний народ – караимы, он специально неоднократно совершал поездки в XIX веке в города Ближнего Востока, Крыма и на Кавказ, приобретая (в основном на базарах) и записывая древнееврейские тексты и эпитафии. Последние годы жизни «Великий караим» Фиркович безвыездно жил в Чуфут-Кале, где и был похоронен в караимском некрополе на верховьях Иософатовой долины, а его коллекция, насчитывающая 15 000 позиций древнееврейских, караимских, крымчакских, самаритянских, арабо-тюркских рукописей и фрагментов, хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Даже этот краткий анализ показывает, что списки самого «Словаря» Махмуда аль-Кашгари, а также его аналогов во все последующие века верно служили познанию, культурно-политическому взаимообмену между народами и племенами Великого Турана, Арабского Халифата, Кипчакской империи, а затем империи Чингисхана, государств Степи и Поля, стран Восточной Европы и Египта. Достаточно сказать, что династия мамлюков – Кутуза, Бейбарса, Калауна, ан-Насира, господствовавшая в Мысыре (Египет) не один век, наряду с исторически родным тюркско-кипчакским языком вобрала в себя и государственный язык Корана – арабский. Великий путешественник Ибн Баттута в корджунах своего каравана вёз не только свои дневники и записи. Ему помогали совершать свои путешествия и словари, подобные «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари.

Трагедия Отрарской библиотеки XIII века спустя столетия горечью сопрягается с трагедией мировых культурных ценностей Багдада и Ирака века двадцать первого. И всё это ложится общей виной на наши плечи, ибо мы все равнодушно созерцаем телекартины этой несправедливой войны, созерцаем, несмотря на то, что наши великие предки, передавая своё сокровенное наследие, свои словари между прошлым и грядущим, всегда свято верили звёздам будущего, на ландшафтах которого должны раскрыться все цвета и все оттенки «зелёного и пурпурного, алого и жёлтого, белого и золотого» мира бессмертного «Словаря тюркских наречий» – «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда ибн аль-Хусейна ибн-Мухаммед аль-Кашгари.

* * *

*Познањям учишь, и познаешь почёт,
Познањя – твердыня и силы оплот.
Без знаний бесплодны и разум, и речь,
А зная – что влага живительных вод.
Кичащийся знаньем от знаний далёк,
Признайся в незнании – достигнешь высот.*

Юсуф Баласагуни

«Влага живительных вод» легендарной реки Чу и её притоков Аксу, Карабалта, Шаргау и Токташ испокон веков несла не только благодатную прохладу окружающему оазису, но и великую тайну об исчезнувшем городе в песках Чуйской долины. В трудах раннесредневековых тюркских, арабских, китайских и европейских авторов город Баласагун широко освещался как крупный политический, экономический и культурный центр тюркского мира. Он был

главной столицей Тургешского, Карлукского, Караханидского, Каракитайского (Каракиданьского) государств в V–XIII веках. Однако Баласагун был разрушен в результате бесконечных междоусобных феодальных войн, имевших место в раннем средневековье в Западном Тюркском каганате, особенно при Караханидах и Каракитаях. А в первой четверти XIV века название его уже кануло в Лету. Город оставался разрушенным, никем не восстанавливался и постепенно превратился в археологический объект. В результате его местонахождение и прежнее название были забыты.

Баласагун был одним из самых больших городов, крупным торгово-ремесленным центром государства Караханидов. Это государство представляло собой в этнографическом плане объединение ряда тюркских племён, возвысившихся в X–XII веках, и просуществовало в течение нескольких столетий. Специфическое соединение кочевого и оседлого хозяйства стало социально-экономической основой данного каганата. В этой среде рос и воспитывался автор великой поэмы «Кутадгу билиг» Юсуф Баласагуни. Он был выходцем из определенной культурной среды и политического региона, охватывающего Отрар (Фараб), Шаш (Ташкент), Тараз, Чуйскую долину, Прииссык-кулье, Фергану, Кашгар. В культурно-языковом отношении Юсуф Баласагуни является общим предком тюркоязычных народов, а в географическом – близок и к казахам, и к кыргызам.

Образование Юсуф Баласагуни получил в признанных культурных центрах того времени – Фарабе, Кашгаре, Бухаре. В совершенстве владея арабским и персидским языками, он проработал философские и научные сочинения по различным отраслям знания. Светские люди того времени отличались многосторонностью интересов, увлекаясь, наряду с философией и наукой, поэзией и политикой, игрой в шахматы. Широкообразованный, умудрённый жизненным опытом, он прибыл в Кашгар и здесь в течение восемнадцати месяцев напряжённой работы написал большое поэтическое произведение. По сведениям турецкого философа Р. Р. Арата, автору к моменту завершения поэмы было около 54 лет. Исходя из этого, Юсуф Баласагуни родился в 1015–1016 годах. По мнению другого исследователя тюркоязычной поэзии, А. Диялчара, дата его рождения определяется 1018 годом. Своё знаменитое произведение он посвятил Табгач-Богра-Кара-Хакан-Абу Али Хасану из династии Караханидов, за что поэту было пожаловано звание хасс-хаджиб – «министр двора».

Поэма «Кутадгу билиг» – «Благодатное знание» стала известна западному миру через австрийского востоковеда фон Хаммер-Пургшталля, к которому данная рукопись попала в 1796 году в Стамбуле и была подарена им Венской библиотеке. Первое издание на немецком языке осуществил известный востоковед Г. Вамбери. В научный оборот текст поэмы был введён в полном объёме В. В. Радловым в 1891–1900 годах, представившим наряду с оригиналом перевод его на немецкий язык. На русский язык отрывки из поэмы впервые перевёл С. Е. Малов. Вольный перевод под названием «Наука быть счастливым» был осуществлён Н. Гребневым в 1971 году. Р. Р. Арат провёл большую работу по критическому осмыслению текстов всех трех рукописей (венской, каирской, намаганской) и представил в 1947 году научно-достоверный свод поэмы. Под названием «Благодатное знание» полный текст «Кутадгу билиг» перевёл на русский язык С. Н. Иванов (М., 1983). В 1986 году известный казахский поэт и учёный Аскар Егеубаев представил сочинения Юсуфа Баласагуни на казахском языке.

Одна из первых попыток рассмотреть творчество Баласагуни в контексте обширного культурного региона, связанного первоначально с образованием халифата, принадлежит немецкому учёному Отто Альбертсу. Он выдвинул концепцию о наличии преемственной связи между учением Ибн Сины, в частности, его этикой,

и аналогичными взглядами Юсуфа Баласагуни. Более того, О. Альбертс предпринял попытку сопоставить этические взгляды Аристотеля и Юсуфа Баласагуни.

Исследование творчества Баласагуни, эпохи создания его произведения было успешно продолжено выдающимися русскими востоковедами В. В. Бартольдом и С. Е. Маловым, известными советскими историками и литературоведами Е. Э. Бертельсом, А. Н. Самойловичем, А. Н. Кононовым и другими. Современная наука, таким образом, располагает определенным объёмом исследований по творчеству Баласагуни. Однако следует отметить, что научный интерес к произведению мыслителя проявлялся преимущественно в историко-филологическом плане, хотя подчёркивалось, что «значение этого памятника в лингвистическом, литературоведческом, историческом и культурно-историческом отношениях весьма велико, а потому крайне необходимо обеспечить расширение масштабов и углубления его исследования»¹⁰.

«Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, – утверждает профессор Агын Хайруллович Касымжанов, – является первым энциклопедическим произведением не на официальном литературном языке, каким являлся арабский язык в то время, а на родном языке тюрков. Факт сам по себе очень значительный, что свидетельствует о патриотизме и любви к родному языку. Вместе с этим, им руководили политические мотивы, стремление научить среднеазиатскую династию караханидов, ещё не оторвавшуюся от кочевой среды, управлять страной с высокоразвитыми оседлыми районами, областями (Мавераннахр, Восточный Туркестан). А чтобы его назидания были поняты и кочевниками-караханидами, необходимо было написать по-тюркски. Но «Кутадгу билиг» не только политический трактат, он является суммой знаний по различным областям науки и культуры своей эпохи, в нём собран и обобщён материал с философским осмыслением жизненных позиций самого автора, в частности, рассмотрены мировоззренческие проблемы смысла жизни, предназначения человека, его места и роли в общественном и природном универсуме. В целом произведение Баласагуни представляет обширную систему, в которой выдвигаются как проблемы общеполитического характера, так и жизненно-практического, этнического и эстетического планов. Стремление к энциклопедичности, универсальности, охвату общемировоззренческих проблем было присуще самому характеру философствования в культурном плане региона, к которому принадлежал Юсуф Баласагуни. Мировоззрение Юсуфа Баласагуни имеет тройные корни – философские, шаманистские, исламские»¹¹.

Далее учёный и патриот А. Х. Касымжанов утверждает, что Юсуф Баласагуни вписывается в общий процесс Ренессанса, и на Востоке, в частности, совершенно явственны в его творчестве отпечатки философии восточного перипатетизма. Речь идёт о мощной культурно-философской традиции, идущей от Аристотеля и продолженной аль-Фараби и Ибн-Синой. Её влияние на автора «Кутадгу билиг» впервые отметил, как сказано выше, немецкий востоковед О. Альбертс. Идейная парадигма восточного средневековья не исчерпывается только мыслительной деятельностью профессиональных философов. Она также представлена промежуточным «непрофессиональным» философским творчеством таких поэтов, как Рудаки, Фирдоуси, Юсуф Баласагуни, Омар Хайям, Низами, Навои, Насими. Но способ существования поэзии того времени имеет характерные особенности и черты: с одной стороны, в творчестве поэтов преобладает ярко выраженный рационализм художественного мышления, с другой – рационализм, облечённый в символические покровы суфизма. Усложнение поэтических форм, образов,

¹⁰ Кононов А. Н. Слово о Юсуфе Баласагуни и его поэме «Кутадгу билиг» // Советская тюркология. 1970. № 4. С. 12.

¹¹ Касымжанов А. Х. Портреты. Алматы, 1995. С. 30.

приёмов не меняло основного содержания поэзии, направленной на жизненные реалии, поиски реализации гуманистических принципов истины, добра, счастья. В сущности, поэзия средневековья занималась разработкой тех самых общемировоззренческих, нравственных и социальных проблем, что и философия. И многие поэтические произведения можно отнести к произведениям философского жанра, и в силу этого они могут и должны быть включены в процесс историко-философского развития.

«Литература и поэзия вместе с философией выполняли определенные мировоззренческо-ценностные функции. Выражение философии через поэзию было древней и наиболее живучей традицией идеологического развития. Крупнейших поэтов средневекового Востока можно смело отнести к представителям философской мысли, а не рассматривать их как чистых литераторов»¹².

Научно-философским пластом, определяющим мировоззрение Юсуфа Баласагуни, по утверждению А. Х. Касымжанова, являются разнородные доисламские верования – зороастризм, манихейство, буддизм, христианство, распространённые среди кочевых и оседлых народов до проникновения ислама. Среди этих верований наиболее сильным источником, пробивающимся в контексте «Кутадгу билиги», являются языческие, шаманистские представления.

Шаманистские, собственно тюркские истоки творчества Юсуфа Баласагуни позволяют вскрыть древний доисламский зороастрийский или тенгрианский, по имени главного божества, мировоззренческий пласт верований, который, несмотря на исламские, царские, советские гонения, ещё жив в языке и сознании казахов. Есть смысл в период потери основополагающих ценностей и эйфории по поводу возрождения ислама и, к сожалению, других конфессий, насаждаемых миссионерами, почувствовавшими духовный вакуум, восстановить великое историческое прошлое, в котором народ самостоятельно выработал ценности гордого самоутверждения. Интересно, что и в «Благодатном знании» Юсуфа Баласагуни, и в «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари есть единое, бессмертное тюркское начало, которое вбирает «принципы благой мысли, благого слова, благого дела, почитания огня, вера в аруахов, культ неба (тәңір) как высшего божества».

В статье «Три советника»¹³ Мурат Ауэзов подчёркивает доминирующую роль Махмуда аль-Кашгари и Юсуфа Баласагуни в святом деле возрождения тюркского литературного языка:

«Работу над поэмой “Благодатное знание”, состоящей из 6520 бейтов (двустипий), Юсуф Баласагуни завершил в 1069 году, по истечении восемнадцати месяцев со времени её начала. Как и Алишер Навои, он подчёркивает стремительность, с которой складывались в текст его слова, и так же, как поэт XV века, горделиво заявляет о своём приоритете в извлечении из литературного небытия родного языка:

*Паслось слово тюрков оленем нагорным, Но было пугливым ещё и задорным.
А я приручил его, сделал покорным. Но я неустанно обхаживал слово,
Я ласков к нему был – оно покорялось, И мускус дохнул ветерком животворным.*

Владея, по свидетельству А. Н. Кононова, “всеми тонкостями арабской и персидской поэзии”, он глубоко освоил тюркский фольклор, о чём свидетельствуют и его собственные многократные ссылки на “тюркские присловия”, и созвучие ряда мест его текста с образцами тюркского художественного слова, собранными его современником, выдающимся филологом Махмудом аль-Кашгари».

¹² Касымжанов А. Х. Портреты. С. 31.

¹³ Ауэзов М. М. Три советника // Орхонские надписи. Кюль-Тегин. Бильге-каган. Тоньюкук. Семей. Международный клуб Абая. 2001. С. 221.

Исходя из точки отсчёта середины XI века, когда были созданы «Благодатное знание» и «Диван Лугат ат-Турк», автор статьи проецирует векторы восприятия литературы тюрков, с одной стороны, вглубь веков, к надписи Тоньюкука, а с другой – с перспективой понимания творческой позиции Алишера Навои:

«Алишер Навои с несомненным на то основанием считал, что выполнил стоявшую перед ним грандиозную задачу:

*Пусть Низами победоносный ум Пускай на весь Иран поёт Джами,
Завоевал Берда, Гянджу и Рум; Но тюрки всех племён, любой страны,
Пускай такой язык Хосрову дан, Все тюрки мной одним покорены!
Что он завоевал весь Индустан;*

Великий поэт, творчеством которого триумфально увенчался выход тюркской литературы из её персоязычного “инобытия”, имел полное право на подобную самооценку».

Учёный и культуролог Мурат Ауэзов подчёркивает: «Образцы тюркской поэзии, собранные аль-Кашгари, свидетельствуют о том, что Юсуф Баласагуни не был одинок в своём умонастроении. В них широко представлен арсенал средств суфийского противостояния обстоятельствам, даны описания героических сражений предков, явлен многообразный мир, освоенный самыми разными – от бытовых до любовной лирики – жанрами тюркского художественного слова. Письменная тюркоязычная поэзия XI века вызвана к жизни ситуацией, требовавшей деяний патриотического толка, с опорой на народ, его язык и его историческую память. И это, разумеется, другой тип выхода из «инобытия», чем тот, который мы видим в XV веке. Эпоха Юсуфа и Махмуда, осуществившая преемственную связь с предшествующей культурой, в частности с поэзией времён Каганата (VI–VIII вв.), выводит нас к тюркским письменным памятникам, высеченным в камне. Нас, естественно, прежде всего интересует личность Тоньюкука, человека, получившего “табгачское” воспитание, но свои силы и талант отдавшего “тюркскому элю”».

Творения Юсуфа Баласагуни дают возможность судить о связях конгломерата тюркских народов с так называемой арабоязычной культурой, о внесении им, как прежде аль-Фараби, Ибн Синой и другими мыслителями позитивного вклада в мировую культуру.

Влияние творений Юсуфа Баласагуни, например, на Омара Хайяма (1048–1131) или на более позднего, нашего Асана Кайгы, а также поэтическая традиция и мотивы сожаления о прожитом, идущие от ранних Фирдоуси и Рудаки к автору «Благодатного знания», поэту-мудрецу многих тюркских народов, прослеживаются и подкрепляются следующими строками:

– Что жизнь и что смерть, если вдуматься строго. Откуда иду я, куда мне дорога? Зачем я рождён, если смерть мне дана? Зачем я был весел? – мне скорбь суждена! Что в мире страшнее, чем жизни кончина? Но все, кто рождён, умирают едино.

– Книга жизни моей перелистана – жаль! От весны, от веселья осталась печаль. Юность – птица: не помню, когда прилетела и когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

– Были бы добрые в силе, а злые слабы – мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы! Если б в мире законом была справедливость – не роптали бы мы на превратность судьбы.

– Я речь предназначаю не для всех: нет у меня советов для невежд. Что толку говорить с глухой толпой, ведь всё равно не переучишь всех. Я лишь к разумному с надеждой обращаюсь, что будет слушать, суть понять пытаюсь. К нему с моей я обращаюсь речью, чтоб пользу из него сумел извлечь он. Все добрые дела, все в мире блага произошли от ясного ума. Незнания дух и не-

здоровье наше излечивают мудрые слова. И потому прислушивайся к мудрым, и будет к небесам твой путь открыт. От человека человек отличен мерой, знай, эта мера – разум и язык. Мудрец без языка подобен морю, где жемчуг знания под водой лежит. Благодаря словам в своём величье, подобен небу может стать он вмиг. Жемчужина на дне – прекрасный камень, но ничего не значит для людей. Так золото лишь найденное станет достойным украшения царей. Мудрецы, не будь безмолвным – жемчуг слова вынь из глубин души своей скорей.

* * *

В XIX веке некоторые востоковеды, узнав о существовании исторического Баласагуна, пытались локализовать этот древний город. В частности, академик В. В. Бартольд писал: «Баласагун – город в Средней Азии, местонахождение которого не удаётся точно установить»¹⁴.

Этой проблемой занимались и советские востоковеды. Изучая в 50-е годы XX века средневековые города Чуйской и Таласской долины, А. Н. Бернштам отождествлял Баласагун с городом Ак-Бешим, расположенным около Токмака в Кыргызстане. Такого же мнения вначале придерживался и Л. Р. Кызласов, в течение нескольких лет занимавшийся раскопками в этом городе. Но впоследствии он отказался от своей первоначальной гипотезы. По его мнению, Ак-Бешим прекратил существование в X веке. Опираясь на результаты археологических исследований, проводившихся в городах Ак-Бешим и Бурана, он сделал следующий вывод: «Исторический Баласагун – блестящую столицу Караханидов XI–XII веков, город, просуществовавший, согласно письменным источникам, вплоть до XIV века, – надо искать в другом месте. Таким образом, ни городище Ак-Бешим, ни городище Бурана не могут связываться с историческим Баласагуном. Их забытые имена ещё предстоит установить историкам Киргизии»¹⁵.

Итак, проблема локализации Баласагуна всё ещё оставалась открытой. В 1974 году археологи Казахского национального университета имени аль-Фараби начали раскопки на месте средневекового городища Актобе, расположенного на левом берегу реки Чу в благодатной местности в низовьях четырёх рек: Аксу, Кара-Балга, Шаргау и Токташ, которые вливаются в реку Чу. Было однозначно известно, что Актобе является остатком большого средневекового города. В 1980 году была проведена аэрофотосъёмка памятника, давшая чёткое определение территории Актобе.

Археологический памятник занимает общую площадь 150 тысяч гектар, из них центральная часть 70 квадратных километров. Как видно по занимаемой территории, Актобе был весьма большим городом, расположенным на северной ветви Шёлкового пути. На основе аэрофотосъёмки составлена карта городища, на которой прослеживаются остатки многочисленных городских построек, оборонительных сооружений, оросительных систем, водосборных отстойников, сторожевых башен, кварталов, приусадебных участков. Общая протяжённость линий оборонительных валов в пределах отснятой площади составляет 52 километра. Площадь орошаемого земледелия в пределах аэрофотосъёмки составляет 2000 гектар.

Городище Актобе состоит из цитадели, шахристана и рабада. В этих частях в 1974–2005 годах проводились археологические раскопки и был накоплен богатый исторический материал, который позволяет говорить о том, что средневековый город Актобе пережил два этапа: V–VIII и IX–XIII веков. Эти хронологические

¹⁴ Баласагун // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 3. М., 1965. С. 357.

¹⁵ Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М.–Л., 1959. С. 236.

данные соответствуют периоду функционирования исторического Баласагуна. Следует подчеркнуть, что караханидские материалы находятся на верхнем слое памятника.

Более чем тридцатилетняя работа в Актобе дала очень богатый, разнообразный материал, характеризующий жизнь и деятельность города Баласагун.

Другим веским доводом в пользу версии расположения Баласагуна в этой местности являются топонимические данные из словаря «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгари. В нем перечисляются важнейшие известные местности, находящиеся вокруг Баласагуна. Это: Баласагунские горы (Аулие тау), Бакырлыгтау и Юн-Арык (Жон арык). Эти местности вокруг города Актобе (Баласагун) были обнаружены и изучены археологической экспедицией во главе с известным учёным, археологом-этнологом Уахитом Хамзиновичем Шалекеновым.

* * *

Издательство «Жибек жолы» имело честь издать двумя тиражами уникальный труд профессора У. Х. Шалекенова «V–XIII ғасырлардағы Баласағұн қаласы»¹⁶ («Город Баласагун в V–XIII веках»). Первое издание было осуществлено в 2006 году пробным тиражом 500 экземпляров на средства спонсоров (О. Смагулулы, Б. Шалекенов, Е. Канапьянов), и благодаря данному изданию монография «V–XIII ғасырлардағы Баласағұн қаласы» была включена в Государственную программу «Культурное наследие» и издана тиражом 2000 экземпляров для пополнения сети библиотек Казахстана.

Работая над выходом данной книги, которая, на мой взгляд, является главной книгой жизни известного учёного и патриота суверенного Казахстана Уахита Хамзиновича Шалекенова, я не раз вспоминал годы своей юности, когда в середине семидесятых годов прошлого столетия часто бывал на раскопках городища Актобе. За тридцать лет существования этих археологических раскопок в них приняли самое существенное участие целая плеяда археологов Казахстана, включая патриарха казахской археологии Алькея Хакановича Маргулана.

Версия о возможном месторасположении города Баласагун в Актобе впервые была опубликована и озвучена народным писателем Казахстана Шерханом Муртазой. Им же, спустя тридцать лет, был поставлен вопрос о включении результатов данных раскопок в Государственную программу «Культурное наследие».

Зачастую научные открытия, в данном случае археологические, берут свой отсчёт от найденной при раскопках одной древней монеты с выбитым на ней профилем правителя или же названием города, где она была отчеканена. Это только начало, влекущее за собой многолетний научный труд и поиск последующих доказательств.

Результатом этого многолетнего научного поиска и является книга У. Х. Шалекенова «V–XIII ғасырлардағы Баласағұн қаласы», где по литературным, археологическим и этнографическим данным исторический средневековый город Баласагун локализуется на месте городища Актобе.

* * *

Под шелест шин внедорожника поздно ночью миновали Новотроицкое, городище Актобе, где уже был выстроен мемориальный комплекс «Баласагун», знаменитую узловую станцию Чу... Когда-то прекрасной души предприниматель, заядлый рыбак, главный продюсер и основатель телеканала «Туран» Роман Ботабеков предложил Мурату Ауэзову, Карлу Байпакову, Диару Кунаеву и мне съездить в Чу, посетить местные исторические достопримечательности. Он, явля-

¹⁶ Шалекенов У. Х. V–XIII ғасырлардағы Баласағұн қаласы». Алматы: Жибек жолы, 2007.

Встреча нового 2000 года в моем доме. Ауэзовы, Кунаевы, Аскарковы, Тажимаевы, Каракуловы, Канапьяновы

ставлен мемориальный уголок с портретом бывшего члена Политбюро КПСС, с краткой энциклопедической биографией и фотографиями былой замечательной жизни на благо народа и расцвета Казахстана.

В этом же вагоне была небольшая кухня, схожая с вагоном-рестораном, уютный продольный стол, за которым сидели мы и слушали экспромтную лекцию Карла Молдахметовича о великом прошлом этих земель с соответствующими разъяснениями Мурата Мухтаровича. И была какая-то ничем не объяснимая аура взаимопонимания, преемственность по этому самому «вагону бытия», по прошлому и настоящему этой древней и молодой степи, что проплывала по ту сторону вагонного окна.

ясь известным бизнесменом в сфере железнодорожных перевозок, сообщил, что поедет в отдельном вагоне, никого кроме нас в этом вагоне не будет, его присоединят к проходящему составу, и через несколько часов пути мы окажемся на железнодорожной станции Чу, где нас встретят на машинах.

Как оказалось, вагон принадлежал когда-то Первому секретарю Компартии Казахстана Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву, а сейчас имел туристский – познавательный статус. В этом именитом вагоне был об-

ГОМЕР И ЭПОС

Мурату Ауэзову

*Вечность прошла, что помнишь,
двойник мой, с тех незапамятных пор?
– Все помню отару,
в долину плывущую волнами с гор.
В ней будущей жертвой плакал
кудрявый, быть может, ягненок.
Но это я понял не сразу,
понял не сразу спросонок.
А что было дальше? –
А дальше оставил открытым шатер
И вышел в долину,
и бился в долине рогами костер.
И мчались к костру Шайкуйрык,
Тайбурыл, Маникер, Кокжорга,
Всадники пали и умирали от ран
в плену у врага.
И тризну справляли
по всадникам лошади, выбив следы,
И кружились, кружились,*

*кружились лошади, встав на дыбы.
А их жилы напомнили мне
в аркане, сплетенном узлы,
Что клювом литым разрывали
парящие в небе орлы.
А их мощные груди прочнее
древних гранитных камней,
Плит надгробных в мазарах
были могучие груди прочней.
Вздымали копыта и ржали,
касаясь копытами звезд,
И там высекали небесную молнию
будущих гроз.
От этих поминок в долине степной
на века я ослеп.
Саркыт остался от тризны.
Прими, вот – кумыс, мясо и хлеб.*

Жан Бахыт, 1988 год.

* * *

Великая степь всегда была открыта казахскому эпосу, ибо сами громадные пространства земли и неба не только несли в себе эпичность веков, они, даруя языческие сюжеты и мотивы всему окружающему, а, следовательно, безымянным сказителям гордого и непримиримого народа, эпически перемальвали в среде обитания эти сказания и сюжеты, порой переселяя с места их возникновения, то с севера на юг, то с запада на восток, и не только географически, но и в глубинах самой человеческой памяти, внутри самого этноса, обитавшего на бескрайних просторах земли Казахстана. Вследствие чего один из вариантов самого древнего эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу» Александр Сергеевич Пушкин мог обнаружить в приуральских степях, то есть на западе Казахстана, хотя корни этого сказания берут своё начало на востоке, вблизи Аягуза. А один из вариантов эпоса «Кыз Жибек», родиной создания которого является местность рода жагалбайлы, был обнаружен учителем Фалиоллой Тухватуллинским вблизи озера Зайсан и затем издан в 70-х годах XIX века в Казани.

Однако наиболее полным по содержанию, сюжетной линии и действию поэмы «Кыз Жибек» является вариант Жусупбека Шайхисламова. Этот вариант выдержал несколько изданий в Казани с 1900 по 1911 годы. Варианты Ф. Тухватуллина и Ж. Шайхисламова не раз переиздавались в советский период.

«Сложенные в эпоху Казахского ханства (XVI–XVII вв.) первые казахские романические эпические произведения выработали и закрепили все основные признаки нового жанра. Они создавались в условиях патриархально-феодального общества, когда царили обычаи, узаконившие беспредельную власть отцов, старейшин рода и семьи, и сковывавшие инициативу и свободу личности. Появление в таких обстоятельствах крупных эпических произведений, воспевающих любовь как свободное человеческое чувство, как право человека на личное счастье, отражало изменения в народном мироощущении. Понимание любви в эпосе “Козы Корпеш и Баян Сулу”, равно как и в “Кыз Жибек” – сугубо жизненное, реально-практическое, оно продиктовано действительностью и миропониманием творцов эпоса, для которых идеальной была любовь, ведущая к созданию счастливой патриархальной семьи.

В конце XVIII и в XIX веке казахский романический эпос получает дальнейшее развитие»¹⁷.

В данный период все фольклорные жанры, особенно эпос, испытывают влияние литературы, которая энергично разрабатывает темы социального равенства, равноправия женщин и свободы личности, подсказанные самой жизнью. Вместе со всем фольклором этот процесс переживает и лиро-бытовой эпос. В нём начинают преобладать социальные мотивы и историчность, в результате чего зарождаются новые разновидности эпоса, так называемые дастаны социально-бытового и историко-любовного характера. Материалом для их сюжетов служили в основном события из реальной жизни, а также истории, почерпнутые из различных книжных источников, старинные местные предания и легенды.

Перевод эпоса «Кыз Жибек» мною был осуществлён с варианта Ж. Шайхисламова. Первые фрагменты, а это «Погоня за караваном Кыз Жибек», «Описание красавиц из свиты Кыз Жибек», «Ночь любви Тулегена», мною были переведены во время учёбы в Москве на Высших литературных курсах. Руководитель поэтического семинара, известный поэт и переводчик Александр Межиров одобрил мою идею – осуществить полный перевод этого выдающегося памятника казахского фольклора. Однако высказал пожелание, чтобы я не публиковал от-

¹⁷ Академик С. А. Каскабасов.

дельные фрагменты этого эпоса, пока не завершу свой многолетний труд. Так прошла череда нескольких изумительных лет, когда ты ночами находишься на дальнем пути переводческого бытия и постоянно переключаешь свет своего поэтического озарения с дальнего на ближний. Я благодарен и признателен казахским писателям-переводчикам Галыму Ахмедову, Сеильбеку Тлеубаеву и Мухтару Магауину, которые консультировали меня, просяняя во время работы над переводом те или иные, не совсем понятные места поэмы, своими ответственными советами помогли осуществить задуманное.

Необходимо отметить, что старейший писатель и издатель Галым Ахмедов ещё в сороковые годы прошлого столетия встречался в Москве с Анной Андреевной Ахматовой и предложил перевести лиро-эпическую поэму «Кыз Жибек». Было получено согласие известной поэтессы. Однако печально знаменитое «Ждановское постановление» в корне перечеркнуло эти планы.

«Настоящий художественный перевод, – писал в своё время Самуил Маршак, – можно сравнить не с фотографией, а с портретом, сделанным рукой художника. Фотография может быть очень искусной, даже артистической, но она не пережита её автором.

Чем глубже и пристальнее вникает художник в сущность изображаемого, тем свободнее его мастерство, тем точнее изображение. Точность получается не в результате слепого, механического воспроизведения оригинала. Поэтическая точность даётся только смелому воображению, основанному на глубоком и пристрастном знании предмета».

За время своей работы над переводом поэмы «Кыз Жибек», может быть, неосознанно, но интуитивно стремился и старался придерживаться этого принципа. Возможно, поэтому и только благодаря этому я как бы пережил эпоху создания поэмы «Кыз Жибек» и всем сердцем принял её на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Прекрасное эссе написал и опубликовал в нескольких номерах «Казак әдебиеті» академик Мухтар Кул-Мухаммед о гении казахской словесности Мухтаре Ауэзове и о его сыне, культурологе Мурате Мухтаровиче. Необходимо особо подчеркнуть, что Ауэзовы – это нациообразующая фамилия.

Герольд Карлович Бельгер в одной из своих многочисленных статей привёл один любопытный документ, очутившийся среди его бумаг – родство Валихановых и Ауэзовых. Общий предок Шаһанадір (Шубар). От него отходят две ветви – Мухмун и Саргалдак кожа. От Мухмуна Саяк (Саякын) – Берди кожа – Әуез – Омархан – Мухтар – Мурат – Мағжан. От Саргалдак кожа – Қожаахмет – Айғаным (Айсұлу) – Шынғыс – Шокан, Мақы – Идырыс – Шота.

«Кто из казахстанцев может возгордиться такими родословными? Я лично лишь недавно уяснил своих предков до седьмого колена» (Г. К. Бельгер).

Иногда Мурат Мухтарович мудро улыбается, когда в кругу друзей-коллег начинают выяснять, кто какого рода-племени, а я и в шутку, и всерьёз заявляю, что самые «безродные» – это Мурат-ага и я, Жан Бахыт. Ибо Мурат Әуез – кожа, а я – чингизид.

«Из светил казах отдавал явное предпочтение луне, поклоняясь ей как символу всемогущего, доброжелательного ночного неба. Ислам, пришедший в казахские степи с культовым знаком полумесяца, без труда водрузил его на могилах умерших, завещавших потомкам своим почитание луны. “Когда увидят новую луну, – отмечал Чокан Валиханов, – то три раза привскакивают и три раза делают поклон, потом срывают траву и, принеся домой, бросают в огонь”» (Ч. Валиханов. *Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. С. 177*).

* * *

Тенгрианцы зажигают свечу в доме усопшего, и она светится, горит сорок дней и ночей, своим пламенем перекликаясь с луной-полумесяцем.

*Дрожит среди ночи, мерцает мой свет, Слышна мне порою чванливая речь,
В глазах оставляя божественный след. Не вникнув, готовы они пренебречь,
Луч солнца в нём вижу и ответ луны. Что, мрак отодвинув, нам силы даёт
Серебряный блеск неизвестных планет. Простая и неприхотливая вещь.*

М. Жумабаев. «Свеча» (Перевод мой. – Б. К.)

«Из казахских поэтов и писателей, конечно, люблю Абая. С самого детства всё моё существо и моё бытование как бы пропитаны творчеством Абая. После него люблю Магжана. Люблю его европейское естество и блеск поэтической мысли. Рождённый в среде казахских поэтов аульного уклада жизни, он своим внеземным обаянием и своим умом достиг высот европейской культуры, храма мировой поэзии. Магжан – великий поэт мировой культуры. Его поэтическая индивидуальность настолько велика и уникальна, что она перерастает рамки своей эпохи.

Из числа нынешних поэтов и писателей только поэтическое слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений. Я не уверен и очень сомневаюсь в том, что каждый из нас, кроме него, останется в литературе», – писал ещё в 1927 году, то есть сто лет тому назад Мухтар Омарханович Ауэзов, характеризуя поэтическое творчество Магжана Жумабаева.

В 2002 году по просьбе Какимбека Салыкова, Шоты Валиханова и Мурата Ауэзова я подготовил и издал в переводе на язык русской поэзии однотомник стихов и поэм Магжана Жумабаева «Пророк» – «Пайгамбар» (переводчики из времён СССР, России и Казахстана).

* * *

«В Боомском ущелье зарождается энергия Улана-ветра, имеющего собственное имя и вместе с другим титулованным ветром – Санташем, определяющим погоду и климат Иссык-Кульской котловины. Об Улане и Санташе рассказывал Мухтар Омарханович, вспоминая тут же о кордайских ветрах. Нечто диссонирующее по интонации и смысловой нагруженности беспечности общего разговора было в его рассказах. Теперь, мне кажется, я понимаю смысл глубокой прочерченности темы и одновременной недосказанности этих задумчивых монологов отца. Связано это с памятью Магжана Жумабаева. Ветер – не только излюбленный образ и лейтмотив его творчества, но и то, с чем великий поэт, старший друг, соратник Мухтара Омархановича, расстрелянный в 1938 году, отождествлял себя, своё желание перемен и волю к их осуществлению» (Мурат Ауэзов, «Кыргызстан»).

* * *

Раньше, в советские времена, трасса Ташкент – Алма-Ата проходила после Мерке по территории Кыргызстана (Чалдавар, Фрунзе), а сейчас, в нынешние времена, слегка обогнув земли соседней республики, проходит через Чу на Кордай. Ветер Кордай – это властелин курдайского плато, он в порыве гнева может сбить с дороги-пути людей, лошадей и даже легковой транспорт. А далее на восток главенствуют ветра-побратимы Чилик и Балхаш, приносящие тепло юга и холод севера. На южном побережье Иссык-Куля иногда вблизи аила Тамга схватка ветров Улана и Санташа порождает двухметровые волны, которые порой выносят на берег амфоры затонувшего города.

Вблизи Курдая

* * *

«Как говорил Гёте, кто жил для своего времени – тот жил для всех времён. Многотомные труды и существующая литература весьма убедительно свидетельствуют об этом по отношению к Ч. Ч. Валиханову. Поистине удивительное, уникальное явление – Ч. Ч. Валиханов, успевший в своей короткой жизни впитать в себя всё ценное и светлое, что создано человечеством, и внести свой вклад в сокровищницу отечественной науки и культуры, имя и труды которого получили известность в России и в западноевропейских странах ещё при его жизни...» – такими словами начинается рецензируемая рукопись «Чокан Валиханов и русская литература». Автор, известный учёный, неоднократно публиковавший свои работы по научному и литературному наследию Чокана Чингисовича Валиханова, поставил сложную и в то же время благородную задачу – объединить вокруг имени великого сына казахского народа биографии передовых людей России (и не только России) – писателей, поэтов, учёных, просветителей. Раскрыть их взгляды и воззрения в ракурсе духовной близости с Чоканом Чингисовичем Валихановым.

Разумеется, автор не претендует на роль первооткрывателя этой стороны деятельности Чокана Валиханова. Наоборот, Ш. К. Сатпаева зачастую ссылается на тот или иной научно-исследовательский и литературно-художественный материал, тем самым создавая панорамную, биографическую, хроникальную картину, название которой «Чокан Валиханов и русская литература». В связи с этим характерны и строки оглавления данной рукописи: «1. Изучение Ч. Ч. Валихановым русской и зарубежной литератур в Омском кадетском корпусе; 2. Явления и факты русской литературы в трудах Ч. Ч. Валиханова; 3. Дружба Ч. Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским; 4. Ч. Ч. Валиханов в Петербурге, в кругу русских писателей; 5. Мифы и образы античной литературы в качестве метафор и сравнений; 6. Имена и высказывания западноевропейских писателей и поэтов в трудах Ч. Ч. Валиханова; 7. Ч. Ч. Валиханов в оценке дореволюционной русской и западноевропейской печати».

Каждый год нас, благодарных потомков великого учёного и просветителя, радует то или иное произведение, посвящённое ему. Это – и второе издание собраний сочинений Ч. Ч. Валиханова, и переиздание книги С. Маркова «Идущие к вершинам», и книга «Валиханов» И. И. Стрелковой, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», и книги «Ч. Валиханов и искусство», «Промелькнувший метеор» С. Муканова, «Чокан» С. Бакбергенова и многие другие научные и литературные произведения, раскрывающие суть и многогранное значение жизни и деятельности Чокана Чингисовича Валиханова. С каждым годом пополняется новыми материалами и само научно-литературное наследие казахского демократа. Пополняется за счёт интереснейших находок, которые стали возможными благодаря неутомимому поиску многочисленных подвижников-учёных, литераторов, писателей и других представителей интеллигенции.

И здесь закономерна взаимосвязь. Например, было найдено неизвестное письмо поэта А. Н. Майкова к Ч. Ч. Валиханову, что позволило раскрыть не только некоторые малоизвестные стороны биографии Ч. Ч. Валиханова, но и углубиться в мировоззрение А. Н. Майкова как представителя «чистого искусства». И здесь приятно отметить, что данное письмо А. Н. Майкова, о котором писал А. Ахметов в журнале «Простор» (№ 4, 1979), заняло своё достойное место как в новом собрании сочинений Ч. Ч. Валиханова, так и на страницах рукописи «Чокан Валиханов и русская литература». И этот, один из множества, пример ещё раз доказывает нам, что неустанный поиск необходим. Необходим, потому что многие труды Чокана Чингисовича Валиханова и его многочислен-

ных друзей и соратников ещё не собраны полностью, они разбросаны в разных архивах страны. Восполнив многие «белые пятна», мы сумели бы не только дополнить многочисленные страницы биографии выдающегося учёного, но и обогатить новыми сведениями литературу и науку. И для всего этого необходима система самого поиска. Думаю, что этому полностью отвечает рукопись исследований Ш. К. Сатпаевой «Чокан Валиханов и русская литература». Как мне кажется, будущая книга (а издать её необходимо), уже несёт в себе саму систему. Систему поиска, взглядов, столкновений судеб, эпох, мировоззрений. А ведь именно это и нужно, именно в этом нуждаются многотысячные читатели, интересующиеся гранями творчества Чокана Чингисовича Валиханова. На нынешний день нет пока ещё такой книги на русском языке, где бы воедино сплелись многочисленные духовно-исторические связи Чокана Валиханова с передовыми людьми России и посредством её со многими зарубежными деятелями. И поэтому выход книги «Чокан Валиханов и русская литература» своевременен и актуален.

Как-то принято у нас жить юбилеями. При подготовке к юбилею какого-либо известного деятеля науки, литературы или культуры издают его произведения, пишут о нем многочисленные статьи, а после юбилейной даты тут же всё забывается. Но есть исключения. И исключением первой величины является Чокан Чингисович Валиханов и его духовное наследие. Это наследие не раз проверено Временем. Об этом говорилось на торжественном заседании в Алма-Ате, посвящённом 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова, на многочисленных литературных вечерах и научно-теоретических конференциях в Ленинграде, Омске, Кокчетаве, Ташкенте, Талды-Кургане. Об этом говорится и в рукописи будущей книги «Чокан Валиханов и русская литература». Как мне кажется, будущая книга даст новый импульс в решении многих открытых вопросов о жизни и деятельности Чокана Чингисовича Валиханова.

В первой главе рукописи «Изучение Ч. Ч. Валихановым русской и зарубежной литературы в Омском Кадетском корпусе» описаны не только истоки восприятия Ч. Ч. Валихановым русской и западноевропейской литературы, но и показаны та обстановка, те обстоятельства и условия, которые характеризовали Омск конца сороковых – начала пятидесятых годов прошлого столетия. И. В. Ждан-Пушкин, Н. Ф. Костылецкий, друг Н. Г. Чернышевского В. П. Лободовский, Гонсевский, Ф. М. Достоевский, С. Ф. Дуров, К. К. Гутковский, семья Капустиных – вот далеко не полный список преподавателей Омского кадетского корпуса и лиц местной интеллигенции, сыгравших свою неоценимую роль в омский период. Период становления взглядов Ч. Ч. Валиханова и его мировоззрения. О знакомстве Чокана Валиханова с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя читатели, разумеется, знают и из других источников, рассыпанных в необъятном океане литературной информации, но заслуга автора рукописи «Чокан Валиханов и русская литература» заключается в том, что Ш. К. Сатпаева в силу своих обширных знаний сумела сконцентрировать всё это и многое другое в одной книге, дав тем самым благодатную возможность читателям извлекать тот или иной факт из жизни и деятельности Чокана Чингисовича Валиханова из одного источника, связывая данный факт с собственной убедительной трактовкой.

Ш. К. Сатпаева с горечью пишет с том, что история порой не оставляет нам не только письма, рукописи, многие литературные труды, но иногда не даёт даже имён отдельных лиц. Вот, например, строки о Гонсевском: «К сожалению, жизнь и деятельность одного из лучших преподавателей Омского кадетского корпуса, одного из передовых людей своего времени, помогавшего пробуждению в юном Чокане интереса к знаниям, общественно-политическим

идеям, до сих пор достаточно не изучена. Досадно и то, что до сих пор не установлены его имя и отчество, в научной литературе до сих пор называется лишь его фамилия, а в энциклопедии Казахской ССР отсутствует даже и фамилия».

К периоду учёбы и дальнейшей службы Ч. Ч. Валиханова в Омске относятся и его знакомства, перешедшие в духовное родство и в дружбу, с Ф. М. Достоевским, С. Ф. Дуровым, а также с семьёй Капустиных. Этому посвящено немало интересных страниц в данной книге.

К периоду омской учёбы относится и первая научная работа Чокана Чингисовича Валиханова «Заключения на третью часть описания киргиз-казахских орд» (А. И. Левшина). Как справедливо отмечает Ш. К. Сатпаева, Чокан Валиханов, несмотря на несколько проищеский тон своей рецензии, проявляет аналитичность и самостоятельность суждений, обстоятельность и аргументированность выводов, в изложении материала чувствуется манера не только исследователя, но и писателя с юмором. В то же время Чокан Валиханов высоко оценивает трёхтомный труд А. И. Левшина «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей». Страницы данного многолетнего труда были опубликованы в «Литературной газете» при содействии А. С. Пушкина ещё в 1831 году. Этот факт взаимосвязи Пушкин – Левшин – Валиханов очень тонко подмечает автор рукописи «Чокан Валиханов и русская литература».

В главе «Явления и факты русской литературы в трудах Ч. Ч. Валиханова» автор будущей книги не просто перечисляет те или иные литературные произведения, фрагменты из которых использовал в своих трудах первый казахский учёный. Ш. К. Сатпаева показывает многочисленные взаимосвязи через раскрытие образа Ч. Ч. Валиханова – неутомимого исследователя, пропагандиста передовых идей России. От русской литературы древнейших времён (былины, сказы, летописи) через золотой (девятнадцатый) век русской литературы и до наших дней – вот диапазон автора рукописи «Чокан Валиханов и русская литература». Вот вектор познания многогранной личности Ч. Ч. Валиханова. Именно скрупулёзным собирателем этих явлений и фактов должен быть человек, который посвятил себя этому делу. И именно этому требованию отвечает рукопись Ш. К. Сатпаевой «Чокан Валиханов и русская литература». «Глубокие познания Ч. Ч. Валиханова русской литературы, – пишет Ш. К. Сатпаева, – оставили свои следы в его трудах. Свободно ориентируясь почти во всех этапах и эпохах развития русской литературы, Ч. Ч. Валиханов мастерски применял её некоторые образцы для раскрытия сути и содержания отдельных явлений и событий исторической и современной ему действительности, для своих научных целей и задач».

Напрашивается вопрос: зачем и во имя чего всё это необходимо автору? Рукопись «Чокан Валиханов и русская литература», а именно вторая её глава убеждает нас в том, что это необходимо не только для полновесного раскрытия образа самого Чокана Чингисовича Валиханова. Хотя и это само по себе уже довольно значимо. Но автор рукописи не останавливается на этом. Автор даёт нам возможность проследить, как тот или иной факт русской литературы, раскрываясь в трудах Ч. Ч. Валиханова с малоизвестной всем стороны, питает вдохновение и творчество не только современников Ч. Ч. Валиханова, но и наших современников – писателей, поэтов, учёных.

Например, знакомство Чокана Валиханова с Ипатьевской летописью дало второе рождение половецкой песне о траве «емшан» – полыни, запахом которой половецкий певец Оря вернул с чужбины на родину половецкого хана Отрока. Всё это послужило тому, что известный русский поэт А. Н. Майков написал знаменитое стихотворение «Емшан». Сочинил под влиянием трудов Ч. Ч. Валиханова и личных бесед. А в начале шестидесятых годов извест-

ный казахстанский писатель Морис Симапко написал небольшую повесть с аналогичным названием. Хотя в ней действие происходит вне исследуемых Ч. Ч. Валихановым источников, символическое название повести вызывает определённые параллели через стихотворение А. Н. Майкова с творчеством казахского учёного.

Ш. К. Сатпаева справедливо отмечает, что Ч. Ч. Валиханов обращался к русским летописям как к источнику достоверных исторических сведений и фактов. В его работах приведены сведения из русских летописей-записей событий относительно истории среднеазиатских и казахского народов. Если бы не было всего этого, то вряд ли появился бы роман-диалогия М. Магауина в той полноте, с какой мы все имели честь ознакомиться. Я имею в виду роман-диалогия Мухтара Магауина «Вешние снега», удостоенный Государственной премии Казахской ССР, и работы Ч. Ч. Валиханова по сибирским летописям Саввы Есипова.

Автор рукописи «Чокан Валиханов и русская литература» зачастую приводит интереснейшие высказывания деятелей не только прошлого, но и нынешнего дня, проводя этим самым исторические параллели и с творчеством Ч. Ч. Валиханова, и с творчеством ряда писателей прошлого века, и с мировым литературным процессом в целом. Вот, например, ссылка на книгу академика Д. С. Лихачёва «Возникновение русской литературы»: «Нельзя не упомянуть, что русским писателям был известен не только русский фольклор. Летописец неоднократно обнаруживает своё знакомство с эпосом половецким. Повидимому, источником этого знакомства являлись верхи феодального общества Руси. Княжеские браки с половчанками закрепляли культурные связи русских феодалов с половецкими. На половчанках были женаты Олег Святославич, Святослав Изяславич, Святослав Олегович, Юрий Долгорукий, Рюрик Ростиславич и многие другие русские князья. Дошедшие до нас следы знакомства русских летописцев с половецким эпосом все как будто бы указывают на ханский характер этого последнего». Как здесь не вспомнить и исследования О. О. Сулейменова, включая его книгу «Аз и Я». Именно такие, неожиданные выходы в мир нынешнего дня составляют одну из ценностей рукописи «Чокан Валиханов и русская литература».

Нет, не просто просвещённым полиглотом проступает образ Чокана Чингисовича Валиханова со страниц рукописи Ш. К. Сатпаевой. Валиханов довольно веско заявляет, что в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора, что книжники так же энергично, как книжники Древней Руси, исследуют свою народную старину. Валиханов с горечью подчёркивает, что его народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период византийский. «Как ни гадка византийщина, — писал Ч. Ч. Валиханов, — но она всё-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительский. Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период, а правительство должно нам в этом помочь. Для него это так же обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские».

Всё это и многое, многое другое из наследия Ч. Ч. Валиханова не ушло из поля зрения Ш. К. Сатпаевой. Мало того, автор даёт интереснейшие комментарии по поводу того, кого имел в виду Чокан Валиханов под именем Нестор, раскрывая перед читателем определённый исторический ракурс.

Если в главах «Дружба Ч. Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским» и «Ч. Ч. Валиханов в Петербурге, в кругу русских писателей» даны в какой-то мере из-

вестные моменты биографии и творчества Чокана Чингисовича Валиханова, то в главах «Мифы и образы античной литературы в качестве метафор и сравнений» и «Имена и высказывания западноевропейских писателей и поэтов в трудах Ч. Ч. Валиханова», может быть, впервые дана столь обширная пространный картина взглядов и суждений Ч. Ч. Валиханова, не замыкающаяся в узких рамках национального мировосприятия. Здесь необходимо сказать о планетарности валихановского мышления, о научном и интуитивном понимании «осевого времени», о возникновении праэпоса многих народов нашей земли, о закономерности переходных этапов эпоса каждого народа на примере киргизского эпоса «Манас», на примере казахских преданий.

Ш. К. Сатпаева расширяет научно-просветительские и литературные связи Ч. Ч. Валиханова, вводя целую галерею новых имён – от декабристов до провинциальной интеллигенции царской России, умело иллюстрируя свои суждения фрагментами из книг о Чокане Валиханове разных лет изданий.

Читая рукопись Ш. К. Сатпаевой, ещё раз убеждаешься в том, что в мире нет ничего случайного. Ч. Ч. Валиханов дружил с Полонским, был тесно связан с ним по творческим взглядам. Быть может, как отмечает Ш. К. Сатпаева, это стало причиной тому, что в 1899 году великий казахский поэт Абай Кунанбаев перевёл стихотворение Полонского «Сердце». А ведь до недавнего времени это стихотворение приписывали М. Ю. Лермонтову, хотя в его наследии данного стихотворения нет (см. Абай «Стихи и поэмы», язык казахский, год издания – 1949). О неслучайном также свидетельствует тот факт, что Абай Кунанбаев в своё время интересовался трудами Бокля, на которого часто ссылался в своих трудах Чокан Валиханов, например, на «Историю цивилизации Англии». Всё это, я повторяю, находясь в поле зрения автора рукописи «Чокан Валиханов и русская литература», страница за страницей радует нас, читателей, своей наполненностью и насыщенностью как хронологической, так и биографической и духовной. Если перечислить имена и фамилии, которые приводит в своей рукописи Ш. К. Сатпаева и которые составляли и составляют цвет русской нации, то на самом деле не хватило бы и двадцати страниц рецензии. Да и перечислять их в рецензии ни к чему. Поражает другое. Поражает то, что со всеми ими Чокан Чингисович Валиханов общался – с некоторыми дружил, с иными был знаком, а остальных знал через их творения. Но здесь есть и обратная, не менее интересная связь. Это – труды Чокана Валиханова, изданные друзьями в начале нашего века, а также изданные за рубежом. Именно они, эти бесценные труды, служили интернациональному взгляду на примере Средней Азии и Казахстана. Ш. К. Сатпаева не раз подчёркивает и этот немаловажный аспект, выводя его в одну из особенностей будущей книги. Например, Ш. К. Сатпаева, сравнивая роман Жюль Верна «Клодиус Бомбарнак» с описанием Кашгара Ч. Ч. Валихановым, убеждена, что известный французский фантаст пользовался трудами Ч. Ч. Валиханова, изданными за рубежом. И это убеждение подкреплено логикой автора и некоторыми фактами.

Ш. К. Сатпаева с горечью пишет, что до сих пор нет научной биографии учёного, монографии по тем или иным вопросам его поистине многогранного, многоотраслевого наследия. Автор подчёркивает: «В его (Валиханова) трудах сконцентрирована вся духовная, экономическая жизнь казахского народа в прошлом».

Книга Ш. К. Сатпаевой посвящена светлой памяти известного валихановеда, академика А. Х. Маргулана. Как знать, может быть, именно он подсказал автору написать эту книгу, ибо он как никто другой понимал, что эта книга необходима для будущих поколений, для тех читателей, кто всем сердцем интересуется многими гранями таланта Чокана Валиханова, для всей

интеллигенции Казахстана. Как мне кажется, с выходом этой книги начнётся новый, более системный этап в изучении духовного наследия Чокана Чингисовича Валиханова.

* * *

Въехав на перевал Кордай, мы некоторое время неслись по самому курдайскому плато, где справа от нас граничили кыргызские горные цепи, а слева на восток расстилались казахские равнинные земли со степными холмами и курганами.

Где-то позади, за кыргызскими хребтами, остались Бишкек, Кара-Балта, Сусамыр, в этом горном аиле Толомуш Океев когда-то снимал фильм «Серый лютый» по повести Мухтара Ауэзова «Жоксерек», а южнее, на Иссык-Куле, Болат Шамшиев создавал киносказку по повести Чингиза Айтматова «Белый пароход». И всё происходило как бы недавно, каких-то полвека тому назад, под той же луной, под теми же горами, на этой древней и вечно молодой земле, по ту сторону Кордая.

Вспоминаю Чингиза Торекуловича Айтматова, у которого по жизни и судьбе было две святыни – Манас и Мухтар Ауэзов.

Вспоминаю Мастера.

* * *

Чингиз Айтматов в течение десятилетий своей творческой деятельности не раз выступал на страницах «Литературной газеты». Это были и многочисленные интервью писателя, его статьи и размышления о судьбах литератур Кыргызстана, России, Европы и Азии. В ноябре 1972 года в «Литературной газете» была опубликована его поэма в прозе «Плач перелётной птиц». Актуальность этой литературной «жемчужины» очевидна и в наши годы двадцать первого столетия, в этот период нашего бытия на постсоветском пространстве.

Обо всём этом, о дружбе с Александром Твардовским, который творчески «опекал» автора «Джамиле» и «Первого учителя», в предлагаемых заметках.

В моей библиотеке три издания собраний сочинений Чингиза Айтматова. Первое собрание – трёхтомник 1982–1984 годов, второе – семитомник 1998 года, третье – полное собрание в восьми томах, вышедшее в Казахстане уже после кончины писателя. Два из них с дарственной надписью Чингиза Торекуловича, которого при жизни мне довелось называть Чингиз-ага.

Открывая наугад тот или иной том, погружаешься в магию его повествовательной речи, в образы, человеческие по своей глубинной сути, от мальчика до старика Момуна, от «солдатёнка» или Эрмека до учителя Абуталипа, Едигея Буранного, табунщика Танабая, сопереживаешь прекрасным женским характерам – Алтынай, Джамиле, Бегимай... А чего стоят образы животных, в силу великого таланта писателя – истинного художника слова, одухотворённых и очеловеченных, зачастую превосходящих нас, смертных и грешных, своим природным благородством?! Пегий пёс, бегущий краем моря, старик-рыбак, которому судьба сродни морю и небу, рыба-женщина, влекомая нетерпением плоти, конь Гульсары и верблюд Каранар, волчица Акбара и Рогатая мать-олениха, Раймалы-певец и брат его Абдилхан, конь Саралу и юная певица Бегимай, к которой обращены слова жеребца: «С чёрных гор, когда пойдёт кочевье, я на ярмарке не буду, Бегимай».

Даже некоторые фразы, взятые отдельно из ткани повествования, становятся афоризмами, крылатыми словами. К примеру: «Любовь и поэзия погибают от соприкосновения с властью» или трагедия манкуртизма, до боли в висках характерная и актуальная в наши транзитные годы: «Мен ботасы өлген

боз мая, тулыбын келіп искеген. – Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой». После таких фраз невольно оглядываешься на луну, чувствуя, что там действительно кто-то есть, а на самом деле видишь белый платок Найман-Ана, который отражает свет нашей памяти и печаль нашего беспамятства.

Во всём этом есть заклиательные, эзотерические основы нашего многовекового бытия.

«Я ощущаю жизнь как трагедию. С жизнеутверждающим финалом», – однажды сказал Чингиз Айтматов.

«Если ты и вправду слышишь, о Боже, мою молитву, которую я повторяю вслед за праотцами из заученных книг, то услышишь и меня», – произносил Едигей Буранный при погребении своего друга Казангапа.

Как здесь не вспомнить вещие слова из романа Чингиза Айтматова?! «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твоё имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай...»

Когда я учился в Москве, на Высших литературных курсах, которые в своё время окончил Чингиз Айтматов, заведующая учебной частью Нина Аверьяновна Малюкова однажды показала нам стенограмму семинара, на котором обсуждали повесть «Джамиля». Среди потока несправедливой критики курсантов-семинаристов, бесстрастно запечатлённой рукой стенографиста, меня и моих сокурсников поразила ремарка, приписанная сбоку, в углу: «Айтматов плачет». Не знаю, сохранилась ли эта стенограмма, наверняка в архиве Литинститута она имеется. Но я не об этом, а о том, что даже на уровне учебного семинара, где можно было смело обсуждать вещи, так сказать, не для печати, «Джамиля» Чингиза Айтматова вызвала бурное обсуждение и неприятие среди собратьев-семинаристов. И это в стенах Литинститута!.. А вне этих стен нашей альма-матер?

Вот что писал сам Чингиз-ага:

«После выхода повести “Джамиля” один из наших известных писателей принялся её критиковать. На партийном собрании перед общественностью страны он горячо говорил о том, что форма и содержание литературного произведения должны соответствовать политике коммунистической партии, что нужно неукоснительно следовать принципам социалистического реализма. В конце концов, утверждал он, каждый случай развода супругов – проблема огромной важности, которая должна обсуждаться коммунистической партией. Именно партия является оплотом, охраняющим единство семьи, а сюжет моей повести идёт вразрез с этим постулатом.

Когда я работал над повестью, то совсем не думал о подобных последствиях. “Джамиля” с момента своего появления вызвала большой интерес и у нас в стране, и за рубежом. Везде книга бурно обсуждалась. Мой неожиданный успех стал значительным шоком, как это часто бывает, для друзей-коллег: многие предпочли хранить молчание по поводу повести. Только отдельные наши “классики”, как говорится, “и в хвост и в гриву” чихвостили книгу... Такую, мягко говоря, “критику” я вынужден был выслушивать лично. Что я мог сказать или сделать в такой ситуации?! Недаром говорят: “Молчание – золото!” Что бы ни говорили злопыхатели, повесть “Джамиля” уже с момента опубликования на русском языке получила международное признание. Вначале она вышла в журнале “Новый мир”, главным редактором которого в то время был Александр Твардовский.

Моя многолетняя дружба с одним из великих писателей русской литературы началась именно с повести “Джамиля”. Александр Трифонович в тот период был безусловным авторитетом, пользовавшимся всеобщим уважением.

Не ошибусь, если скажу, что многие произведения и их авторы своей известностью обязаны именно ему, личности, которая является совестью страны.

Парадокс того времени заключался в том, что любые политические перемены следовало принимать молча, без проявления своего отношения. Любое произведение, особенно талантливое, нужно было проталкивать сквозь искусственные препоны. Но если у писателя был покровитель в верхах, то его книги выходили одна за другой без всяких проволочек. Поэтому я благодарю судьбу за то, что она свела меня с Твардовским.

Ещё до «Джамиля» я выслушивал критику партийных руководителей. Тот факт, что повесть «Лицом к лицу» была благосклонно принята нашей писательской общественностью, объяснялся тем, что она вначале увидела свет на русском языке в журнале «Октябрь», в Москве, главным редактором которого был Фёдор Панфёров.

Правда, и тогда нашлись «критики» в местной прессе, обвинявшие меня в том, что я слишком беззубо изобразил дезертира Исмаила. По их мнению, он выглядел трагедийной фигурой. Но, несмотря ни на что, судьба повести «Лицом к лицу» оказалась счастливой благодаря тому, что увидела свет в Москве.

«Джамиля» же на пути к читателю встретила со многими сложностями. Но она же и познакомила меня с главным редактором журнала «Новый мир». Ту нашу первую встречу, беседу по душам я никогда не забуду. Именно тогда Александр Трифонович предложил мне поменять название повести «Мелодия» на имя главной героини. Наверное, при встрече он объяснил мне, чем предпочтительнее новое название, но я уже этого не помню. А тогда с радостью ухватился за это предложение мэтра.

В ту же первую встречу А. Твардовский очень подробно и доходчиво объяснил мне, как писать, чтобы обойти застойно-тоталитарные требования литературных чиновников от Компартии. Он посоветовал мне писать сразу на двух языках – русском и киргизском. Но печатать вначале в Москве на русском, чтобы обезопасить себя от местных партocrats.

В справедливости слов А. Твардовского я убедился в работе над повестью «Прощай, Гульсары!» Я буквально кожей чувствовал правоту известного писателя. И если бы не воспользовался мудрой стратегией, подсказанной мне старшим другом, то повесть «Прощай, Гульсары!» умерла бы, не появившись на свет...»

Я специально так широко цитирую Мастера, историю создания и появления в печати повести «Джамиля» и дальнейшей её судьбы. На мой взгляд, во всём этом прослеживается та самая творческая взаимосвязь и, если хотите, искренняя, сердечная поддержка интеллектуальной России и Москвы, как это всегда и было по отношению к Мухтару Ауэзову, Расулу Гамзатову, Василию Быкову, Ивану Драчу, Мумину Каноату, Иону Друцэ, Олжасу Сулейменову, Нодару Думбадзе, Эдуардасу Межелайтису, Тимуру Зульфикарову, а также ко многим другим блистательным национальным именам громадной империи Страны Советов.

Писатель в силу своего таланта всегда находится в оппозиции, в первую очередь по отношению к себе, а затем уже к окружающей его действительности. Это, на мой взгляд, аксиома. Именно с первых литературных произведений («Джамиля», «Лицом к лицу» и др.) Чингиз Айтматов, может быть, ещё неосознанно и ненамеренно следовал этому постулату. Именно в этих ранних произведениях Чингиза Айтматова зарождался своеобразный «узел кущения», из которого вызревали зерна писательского таланта и будущая ничем не подкупная позиция личности. Да и время во второй половине 50-х было уже иное.

Мало кто знает, что часть своего раннего детства Чингиз Айтматов провёл в Москве, именно в те давние годы. Он навсегда запомнил прощание на

Казанском вокзале с отцом, Торекулом Айтматовым, который учился в Институте красной профессуры и был вскоре расстрелян, и этот судьбоносный эпизод словно врезался в цепкую детскую память. Да так, что тоска по отцовской любви спустя годы вошла в суть детских характеров, с истинным гуманизмом выписанных в образах мальчика из «Солдатёнка», «Свидания с сыном», «Белого парохода» и Эрмека из «Буранного полустанка». А также негасимая нежность женщины-матери, которая во все века всегда принимала на свои хрупкие плечи всю тяжесть по сохранению семейного очага – Толганай, Найман-Ана, Рогатая мать-олениха, Зарипа, Укубала...

А затем, на протяжении полувека, тянулись звёздные часы писателя, каждое новое произведение которого с восторгом воспринималось миллионами читателей и у нас, в огромной Советской стране, и за рубежом. Произведения Айтматова были переведены на 165 языков мира и изданы в 130 странах общим тиражом более 67 миллионов экземпляров. По данным ЮНЕСКО, на 1998 год они издавались 830 раз. Многие из писателей, известные и менее известные, меняли фарватер своего творчества в угоду власти. Но только не Чингиз Айтматов. Наоборот, с каждым произведением та самая «оппозиция творчества», о которой я уже говорил, принимала в себя новые темы и новые формы романа – «Буранный полустанок» и «Плаха».

Обласкан был, да! Депутатство, секретарство, Герой Труда, самые престижные премии страны... Но когда писатель садится за письменный стол перед чистым листом нового произведения, позвольте ему самому решать – каким быть. Сейчас и навсегда! А всё остальное – это где-то правила быта и большой игры. Кстати, эти правила игры всегда были в ходу – и в прошлые века, и сейчас, в транзитный период нашего бытия. Суть в другом – в самом стержне творчества и таланта. А всё остальное, как говорится, суета сует. И Чингиз Айтматов в силу объективных и субъективных причин принимал эти правила, но всегда, как в книгах, так и в своих трибунных выступлениях, был предельно честен и откровенен, слушатель или читатель всегда находил зерно мысли в этих выступлениях, не говоря уже о самом творчестве, которым он духовно обогатил наше общее евразийское пространство. Я признателен и благодарен судьбе, что знал его не только как писателя, но и лично, имел возможность постигать его произведения душой и сердцем, ещё в далёкой юности, восхищаться ими. Я думаю, что в новом веке нас ждёт ренессанс именно такой высокохудожественной литературы.

Разумеется, «правила игры» отражались и в ряде произведений писателя – фрагментарно и эпизодично; но в контрасте с этим так выпукло и образно значимо проступали главные герои и персонажи, взятые из глубины жизни, реальности и бытия. Это – во-первых, а во-вторых, именно литература социалистического реализма освоила новые, неизвестные и неизведанные ранее темы и сюжеты, какие оказались по силам только большим талантам, большим Мастерам, таким, каким остаётся в своих произведениях Чингиз Айтматов.

Кстати сказать, именно в тот период, который упрекают в «двойных стандартах», наиболее демократичная среда была почти во всех союзах кинематографистов и на братских киностудиях. И многие из литераторов обретали в такой среде «киношников» своеобразную созидательную атмосферу. Многие писатели и поэты находили свой круг единомышленников в сценарных коллегиях, в павильонах и экспедициях, вынося из этого круга общения новые идеи и сюжеты, не замутнённые идеологией того периода. Именно в тот период 60-х и 70-х годов прошлого века Чингизом Айтматовым были написаны многие литературные произведения, именно тогда, когда он руководил Союзом кинематографистов Кыргызстана.

Мне сейчас трудно судить о времени, в котором живём, существуем, прозябаем, надеемся... Нынешние времена – времена даже не двойных стандартов. Сегодня, когда творчество во многом зависит от прибыльности и рентабельности, исчезает гуманистичная направленность нашего бытия. В силу этого почти нет и литературных произведений, по широте охвата образов и характеров тождественных книгам Чингиза Айтматова.

«О Иссык-Куль, ты око земли, ты всегда смотришь в небо. Обращаюсь к тебе – вечный, незамерзающий Иссык-Куль, чтобы стала известна мольба моя богу неба – вершителю судеб – Тенгри, когда он глянет сверху в твои глубины...» – так Чингиз Айтматов в рассказе «Плач перелётной птиць», опубликованном в 1972 году в «Литературной газете», впервые в своём творчестве обратился к образу Тенгри. Культ Тенгри, как это ни парадоксально, далеко не языческое понятие. Культ Тенгри – это, прежде всего, первооснова ряда религий, это, собственно говоря, и есть религия. Тенгри – синее небо, невидимое верховное божество, которому поклонялись тюркско-монгольские и тибетские кочевые народы.

Чингиз Айтматов в «Плаче перелётной птиць», в этой поэме в прозе, через образы матери Кертолго-зайип и её последыша Элемана во всей полноте раскрывает глубинную взаимосвязь ритуала тенгрианства с ландшафтом окружающего мира – побережьем Озера, обитателями Прииссыккулья, людьми, животными и высоко парящими птицами, которые, отзимовав у незамерзающего Озера, вновь готовятся к отлёту.

«А мать всё молилась истово и яро: “Я мать троих сыновей, Тенгри, услышь мои мольбы, услышь. И просят тебя вместе с нами безъязыкие твари, что с человеком всегда заодно, – гончий пёс наш Учар, настаивающий зверя любого, что по правую руку сына стоит, и рыжая кобылица гривастая, что ни разу ещё не прохолостила, что по левую руку стоит...”

И хотя мать молилась негромко, вполголоса, чудилось Элеману, будто слова её разбегались, рассыпались и вдаль, и вширь по всему Озеру кликом жарким, завораживающим, и чудилось, будто слова её отзывались тревожным и чутким эхом в горах окружающих: “Услышь меня, Тенгри, услышь, услышь...”»

И Элеман, спустя годы, вспоминая этот час мольбы матери на Озере, будет плакать и отраднo, и горько, будет благодарить судьбу за то, что мать вымолила ему у самого Тенгри дар великого сказителя «Манаса», за что имя ему дадут в народе – громоподобный манасчи Элеман. «Не знал он, что молодые годы его совпадут с лихими годами насилия ойратов, что людям придётся слушать “Манас”, скрытно собираясь в глухих ущельях, не знал он, что каждый раз, начиная с зачина “Манаса”, мысленно будет возвращаться к мольбе матери на Озере, давно уже убитой ойратами за сокрытие сына-сказителя, и потому в сокровенном смысле зачина будет ему и утешение, и обретение духа величия, и ощущение красоты и глубины Слова предков, в котором воспета суть бессмертия народа. Не знал он, что именно ему будет написано на роду напоминать затаившим от страха дыхание людям “Манас”:

“О кыргызы, о самом великом среди нас, о Манасе слушайте сказ.

От тех дней и до этих дни утекли, как песок, несчётные ночи ушли чредой безвозвратной, годы ушли и века караваном в бесследные дали...

Что было вчера – того нет сегодня. В этом мире всё приходит и всё уходит. В этом мире только звезды извечны, что правят свой путь при извечной луне, только вечное солнце извечно с востока встаёт, только земля черногрудая на извечном месте своём. А на земле только память людская живёт дольше всех, а самому ж человеку путь отмерен короткий – как расстояние между бровями. Только мысль бессмертна, от человека к человеку идущая, только слово извечно, от потомков к потомкам идущее...

От тех дней и до этих слово рождало слово, мысль рождала мысль, песня сплеталась с песней, быль стала древним преданием. Так дошло до нас сказание о Манасе и сыне его Семетее, ставших твердыней кыргызских родов, ставших защитой от многих врагов...»

И как в великом и бессмертном фольклоре разных стран и народов, птица плачем своим приносит печальную весть. И здесь сила и могущество Тенгри невидимыми воздушными волнами обволакивает приозёрный ландшафт, рождая в Озере мифические буруны и волны, рёв водопадов в глубоких ущельях, вой волка на всплывающую луну. И над всем этим вселенский плач – плач перелётной птицы. О резне и людском побоище на этой священной земле. И птицы крылами уносили свой плач всё дальше и дальше, всё выше и выше.

«Мы летим, возносясь всё выше и выше... Так высоко, что горы становятся плоскими, а потом и совсем незаметными, и земля, удаляясь все дальше и дальше, очертанья теряет: где там Азия, где там Европа, где океаны, где твердь? Так пустынно вокруг – во Вселенной безбрежной только шар наш земной, как верблюжонок заблудший в степи, тихо качается, тихо плывёт, ищет мать свою. Но где она, мать-верблюдица? Где мать всей земли, где мать всей земли? Ни звука! Только ветер гудит, ветер пустынных высот, и тихо плывёт и качается земля с кулачок, земля с кулачок. Тихо плывёт и качается, точно сиротское, точно дитячье темечко – зыбка земля, зыбка земля. Так неужели на ней столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается, столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается? Нет, не надо прощать, нет, не надо прощать, молю вас, дымы творящие, думы творящие, долю творящие!»

«Плач перелётной птиц» – это, я бы сказал, не только высокоталантливое приложение к эпосу-энциклопедии «Манас», это отдельная глава в древней и всегда молодой истории кыргызского народа. Как и всё литературное наследие великого сына человечества – Чингиза Торекуловича Айтматова. Хочется быть достойными этого наследия – в своих чаяниях и помыслах, в своём поведении и в своих действиях, перешагнув порог нового столетия и нового тысячелетия.

Быть может, в «Плаче перелётной птиц» и отчасти в «Прощай, Гульсары!», где многие страницы пропитаны и «дышат» духом Тенгри, начинается писательский поиск «богоустройства» мира, поиск «божественного» в личности человека.

Затем были (не считая печальной сказки «Белый пароход», хотя и там проступает тенгрианское начало в образе Рогатой матери-оленихи) «Пегий пёс, бегущий краем моря», романы планетарного звучания «Буранный полустанок» и «Плаха». И даже относительная неудача писателя – роман «Тавро Кассандры», пусть это творческая неудача, но неудача гениального творца. Мастера.

Чингиз Айтматов не раз возвращался к образу Абуталипа Куттыбаева, даже когда прошло свыше двадцати лет после издания романа «Буранный полустанок». И в своей вставной повести «Белое облако Чингисхана», и в «Препоручении Богу...»

И это после того, что уже годами устоялось в читательских умах, буквально обжигая души образами романа. Словно искал дальнейшего соответствия прошлого и настоящего, реального и божественного, соизмеря однажды уже воплощённый замысел романа с теми переменами не только общества, но и каждой личности в отдельности, когда мы действительно «препоручаем» Богу свои помыслы, страдания и надежды.

Многие и многие из писателей, поэтов, литературоведов-критиков, журналистов и просто читателей не раз встречались и имели счастье беседы с Чингизом Айтматовым. О нём много писали, известны научно-исследовательские

работы по его многогранному творчеству, литературоведческие статьи по рассказам, повестям и романам, вышедшим в разных странах и на разных континентах. Его диалоги и интервью полны созидательных мыслей и суждений, они актуальны были и при жизни писателя, они актуальны и сейчас, в наше противоречивое, поистине судьбоносное время, в Бишкеке, Оше, Джалал-Абаде, на Иссык-Куле и далее по миру – до Японии, где живёт главный герой моей повести «Тамга Тас» Мияно Ясуси. Я говорю не о себе – просто моей повести не было бы без уроков Айтматова.

О таких людях, каким являлся Мастер, говорят, что достаточно прикоснуться к нему, чтобы почувствовать его святость. Диалоги с Расулом Гамзатовым, Куртом Воннегутом, Хейнцем Плавинсом, Николаем Анастасьевым, Федерико Майором, Дайсаку Икэда... Беседы с Г. Гачевым, Г. Атряном, О. Сулейменовым, М. Шахановым, Г. Шалахметовым...

Статьи и отдельные издания книг о Мастере Е. Озмителя, Н. Потапова, К. Асаналиева, Р. Рахманалиева, выдающегося философа Георгия Гачева, который, подписывая мне свою книгу «Чингиз Айтматов и мировая культура», зачеркнул союз «и», вместо него написав «в свете», ибо у него в рукописи значилось «Чингиз Айтматов в свете мировой культуры». Казалось бы, одни и те же слова, но, к сожалению, нет того самого света, без которого немислимы ни авторская позиция, ни литературные персонажи Ч. Айтматова, да к тому же союз «и» здесь выступает не в роли объединительного начала, а сугубо в противостоятельном аспекте, что в определенной степени несёт в себе и уничижительный оттенок по отношению к герою книги – поистине одному из столпов мировой культуры XX века.

У меня было всего несколько встреч с Мастером в реальной жизни – в Бишкеке, Алма-Ате, Москве, Париже. И постоянные встречи с ним и с его литературными героями при чтении его произведений глазами и по памяти, ибо всегда есть «кастальский ключ» понимания, как писал Рэй Брэдбери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память человечества, поэтому мы в конце концов непременно победим!»

Последняя моя встреча с Мастером относится к ноябрю 2007 года. Мы повстречались на юбилее поэта и драматурга Нурлана Оразалина. Буквально неделю назад «Литературная газета» опубликовала цикл моих стихов «Тамга Иссык-Куля». Мастер сказал, что читал этот номер «Литературки», находясь в салоне самолёта. Больше других стихов ему приглянулись по душе мои «Манасчи».

– Чон болосын, баскалар кичи! – одобрительно произнёс он строку из этого стихотворения, что в переводе с киргизского означает: «Будь великим, остальные малы...» – Чон, чон...

А через полгода его не стало. SMS-сообщение из Москвы, словно бы горестный вздох небес, пробудило среди глубокой июньской ночи – умер Айтматов. Я разбудил Мурата Ауэзова, который приехал по делам из Алма-Аты и отдыхал в соседней комнате моей астанинской квартиры. Мы до утра просидели на кухне, встречая прелутренние сумерки, а затем и раннее утро.

Первое осиротелое утро без Мастера.

Вспоминали образы и персонажи его литературных произведений. От пегого пса, бегущего краем моря, до иноходца Гульсары. От девочки Алтынай до Найман-Ана. От ранних журавлей до плача перелётной птицы. От волчицы Акбары до Рогатой матери-оленихи и верблюда Каранара. От учителя Дюйшена до Абуталипа. От мальчика Эрмека до старика Момуна, табунщика Танабая, дорожного обходчика Едигея Буранного. От белого парохода своего детства до манкурта Жоламана...

Вспоминали себя.

* * *

В феврале 2019 года я вместе с Гульнар совершил поездку в Индию, в Тривандрум, что находится вблизи южной оконечности – мыса Кунья-Кумарин.

Мурат Мухтарович передал через свою верную помощницу Сандугаш путевые очерки Мухтара Ауэзова, изданные в переводе А. Пантеелева, и сказал при этом, что очерки помогут мне познать эту страну, в которой он сам не раз бывал и запечатлел своё пребывание в дневниках. «Моя Индия» Мухтара Омархановича Ауэзова не только помогла в познании, эта книжка была мне и духовным путеводителем, тем более что часть сорокадневного путешествия в начале пятидесятих прошлого столетия как раз приходилась на ту местность Тривандрум, где я с Гульнар находился. Кочевник – дервиш двадцатого столетия, именно так можно назвать гения казахской словесности Мухтара Омархановича Ауэзова, в своих очерках поразил меня описанием, как добирался он в составе советской делегации до Индии. Христофор Колумб и Афанасий Никитин могли бы позавидовать этому путешествию. Из Алма-Аты в Москву, затем в Хельсинки, Осло, Берлин, Вену, Рим, через Северную Африку в Исламабад или Карачи, а уже потом только в Дели, ибо в те годы ещё не было международного авиарейса Ташкент – Дели. И спустя сорок дней встреч и впечатлений от этой страны – Индии – делегация во главе с известным поэтом Алексеем Сурковым таким же образом вернулась обратно в Москву. Правда, по настоянию Мухтара Ауэзова, членам делегации удалось при содействии Посольства совершить экскурсию в вечном городе Риме и в других европейских городах и странах. А как описывал Мухтар Ауэзов встречу солнечного светила на мысе Кунья-Кумарин, сам восход солнца! Этот восход ждали тысячи индийцев, находясь на самом юге страны.

Великий художник слова был впечатлён тем, что человек стоит на краю земли, а справа Аравийское море и далее Африка, слева Бенгальский залив, остров Цейлон, а по центру громадный и бесконечный Индийский океан, до самой Антарктиды (цитирую по памяти).

Индия после восприятия очерков Мухтара Ауэзова, дневников Мурата Мухтаровича в результате этой поездки навсегда осталась в файле моей памяти. А известный хореограф индийского танца Акмарал Кайназарова по рекомендации Мурата Ауэзова подготовила и издала в нашем издательстве «Жибек жоль» монографию «Индийский классический танец» (Казахстан и Индия) на казахском и русском языках. В данный момент готовится эта книга для издания и на английском языке.

«Индийские танцы» Акмарал Кайназаровой – это великолепное, совершенное покоряющее искусство. И вместе с тем – нечто большее. Это – судьба. Это – миссия. Личная судьба человека необычайно одарённого, трудолюбивого и целеустремлённого, умеющего преодолевать жизненные невзгоды с грациозностью и неуступчивостью лани, обречённой шествовать в миру подслеповатых современников. И это – её избранность из миллионов людей для подтверждения глубинного, нерасторжимого духовного родства народов северной Индии и Центральной Азии.

Барханы забвения приглушили нашу память о тесном взаимодействии тюркского и иранского миров с Индией в периоды становления и расцвета Великого Шёлкового пути, во времена древних тюрков, караханидов, Делийского султаната, Монгольской империи и империи Великих моголов. Между тем, способность синтеза наших культур к созданию мировых шедевров продемонстрирована неоднократно. Высшим её проявлением является несравненный комплекс Тадж-Махал.

Мы не можем отрицать наличие в себе податливости магическому притяжению Индии. Прозорливые из числа наших писателей доверялись этому чув-

ству безоговорочно. А. Алимжанов, Т. Ахтанов, А. Шамкенов именно в этом интонационном ключе создавали свои произведения об истории и современности великой страны. Мухтар Ауэзов, побывавший во многих землях, с особой обстоятельностью и вдумчивостью написал многостраничный путевой очерк, имя которому дал – “Моя Индия”. Но уже несколько последних десятилетий традиция “открытия” нами Индии не имеет продолжения. И это, конечно же, аномалия.

Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, яркое как вспышка, неоспоримо убедительное, чтобы вернуть нам живое чувство Индии. И это произошло – в ритме и пластике индийских танцев Акмарал.

Как и полагается человеку, избранному судьбой для ренессансного деяния, Акмарал не только одарённый исполнитель. Она, вместе с тем, серьёзный исследователь индийской танцевальной культуры и наставник-учитель в высоком, классическом смысле слова, настоящий гуру для своих учеников и последователей.

Что преобладает в феномене Акмарал – тюркское или индийское начало? Поиски ответа на этот вопрос представляются столь же необязательными и бесперспективными, как и попытки определить этническую авторскую доминанту в творческом синтезе создателей Тадж-Махала. Древний индийский танец “Бхаратнатьям” в исполнении Акмарал и труд творцов Тадж-Махала – для меня явления одного порядка».

Мурат Ауэзов, 15.05.2009

ПЯТЬДЕСЯТ ТОМОВ МУХТАРА АУЭЗОВА

В настоящее время в Казахстане издано полное академическое собрание сочинений гения казахской словесности Мухтара Омархановича Ауэзова (1897–1961) в пятидесяти томах.

В течение тридцати лет Ауэзов писал великий труд своей жизни – эпопею «Путь Абая» в четырёх книгах.

О новом переводе этой эпопеи на русский язык, о творческой мастерской писателя – Иссык-Куле, о его многолетней дружбе с русскими собратьями по перу, о сотрудничестве с редакцией «Литературной газеты» – всё это в предлагаемых заметках.

Нынче наступает своеобразный ренессанс нашего культурного наследия. Ренессанс научного, литературного и творческого наследий Чокана Валиханова, Мухтара Ауэзова, Чингиза Айтматова. Для каждого из них Иссык-Куль всегда олицетворял гармонию личности и окружающего ландшафта, то самое состояние души, без которого нет ни творчества, ни созидания, ни самой жизни.

Впервые об этом удивительном озере я узнал в далёком детстве из трудов Чокана Валиханова. Вначале разглядывая его путевые зарисовки, которые вошли в пятый том собрания сочинений, а затем, спустя годы, читая путевой дневник учёного и его запись фрагментов эпоса о Манасе Великодушном. Так зародилась в моей юной душе заочная любовь к этой высокогорной жемчужине, к озеру в оправе диких гор. А в студенческие годы я впервые воочию увидел эту живописную чашу – чашу Джамшида. Незабываемые мгновения, когда, пройдя второй перевал двухдневного пути из Алма-Аты, из-под ветвистой лапы тянь-шаньской ели вдруг ближе и ближе спускаешься к нему, к этому озеру, которое на все последующие годы становится и твоей творческой мастерской под открытым и забываемым небом. Поэтическое и многоязычное побережье Иссык-Куля, сырты и горные вершины пленяют и с каждым годом открывают новые и новые горизонты познания.

Когда-то я взял с собой рукопись нового перевода первого тома эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая», чтобы вычитать уже в целом отредактированную рукопись, а затем, перед сдачей в типографию, завершить контрольную читку в Алма-Ате, вместе с Муратом Ауэзовым, президентом Международного фонда Мухтара Ауэзова.

А ночью, глядя на огоньки противоположного берега, мысленно находил среди них и огонёк дома-музея писателя, который расположен в Чолпон-Ате. И этот немеркнущий свет вёл меня по страницам, заставляя сверять новый перевод с переводом эпохи соцреализма, который был произведён при его непосредственном участии и наблюдении, при его консультациях, доброжелательной оценке удачных переводных текстов и резком неприятии небрежности или вольности переводчика. Это всё становится известно из пятидесяти-томного полного собрания сочинений, первое издание которого завершилось в издательском доме «Жибек жоль» – «Шёлковый путь».

Каждый новый художественный перевод классики мирового порядка, на мой взгляд, переводчика и издателя, должен отвечать двум основным требованиям. Во-первых, чтобы перевод при художественном соответствии оригиналу был в своей основе качественно лучше предыдущих переводных вариантов, и во-вторых, чтобы сам переводчик, найдя «интонационный ключ» переводимого автора, обогащал произведение средствами своей творческой мастерской, как это удалось сделать известному русскому писателю Анатолию Киму. Он совершил «обыкновенное чудо» художественного перевода. В этом ему помогали авторы подстрочного перевода – Кайсар Жорабеков и Мухтархан Тнимов. О достоинствах нового перевода справедливо говорили многие знатоки творчества Мухтара Ауэзова, которые были знакомы с первым переводом, осуществлённым А. Никольской, Л. Соболевым, Т. Нуртазиным, З. Кедриной, Н. Ановым. О недостатках, а они неизбежны при любом переводе, пусть даже наиболее удачном для настоящего времени, аргументированно писал «казахский немец» Герольд Карлович Бельгер, положительно оценив этот вдохновенный творческий труд писателя и переводчика А. Кима.

В издательском доме «Жибек жоль» («Шёлковый путь») вышла не только эпопея «Путь Абая» в новом переводе в четырёх томах. Вышла также глубокая книга Г. Бельгера – мэтра переводческой школы Казахстана, России и Германии – «Жизнь-эпопея», посвящённая памяти Мухтара Ауэзова...

А огонёк с противоположного берега светил и светил, не угасая, соизмеряя свой свет со светом звёзд, которые, как всегда, близки и почти доступны на берегу Иссык-Куля, среди горных, заснеженных вершин Тянь-Шаня. В том самом Доме-музее Ауэзова в Чолпон-Ате, в том самом доме, который когда-то был творческой дачей писателя, Мухтар Омарханович Ауэзов сердечно признался в своей любви к этому божественному озеру:

*До чего же я люблю Иссык-Куль!
Как легко и свободно дышится рядом с ним!
Если бы можно было вновь родиться,
Я бы выбрал здешние места.*

Только озеро Иссык-Куль и снежные вершины Тянь-Шаня могли породить великий миф о Манасе Великодушном, его сыне Семетее, внуке Сейтеке, жене Манаса Каныкей и матери Чыйырды.

Вселенную Манаса впервые открыл и записал фрагменты для России и Европы Чокан Валиханов. Великий эпос, насчитывающий почти миллион поэтических строк, был сохранен в памяти народа. Ещё в далёкой молодости Мухтар Омарханович был пленён эпосом «Манас», и в начале 50-х годов прошлого сто-

летия буквально защитил киргизский эпос, выступая в тогдашнем Фрунзе на научно-теоретической конференции, где решалась судьба киргизской «Илиады».

Согласно молве и воспоминаниям современников, в начале творческого пути Чингиза Айтматова Мухтар Ауэзов лично передал уже опубликованную повесть «Джамиля» поэту и прозаику Луи Арагону, с подачи которого она была переведена на французский язык и публиковалась в нескольких номерах газеты «Юманите».

«Мухтар Ауэзов для меня не некая академическая величина и не просто самый великий художник среди лично известных, а человек, проявлявший по отношению ко мне отеческую заботу, – писал в статье “Слово об Учителе” Чингиз Айтматов. – У меня есть две национальные святыни, с которыми я еду в другие страны, с которыми я переступаю порог других народов. Это – “Манас” и Мухтар Ауэзов».

Многие тома полного собрания сочинений Мухтара Ауэзова по хронологии дополнены письмами писателя А. М. Горькому, А. Фадееву, А. Суркову, К. Симонову, В. Кожевникову, С. Злобину, Л. Соболеву, З. Кедринной, А. Пантелеву, Л. Арагону. А в этих письмах и в ответах на них – совместная боль и надежда, сопереживание за будущие судьбы литератур, образующих творческую взаимосвязь разных стран и народов. К примеру, в дни Декады казахской литературы и искусства (1936 г.) Мухтар Ауэзов пишет А. М. Горькому: «Обращаясь в дни декадника казахского искусства с настоящим письмом к Вам, Алексей Максимович, мы, казахские писатели, выразили бы только одно пожелание о том, чтобы внимание, уделяемое Вами стране и её культурному росту, было бы дополнено вниманием и к вновь рождённой культуре, искусству и литературе нашей Казахской Республики».

А 26 апреля 1949 года Мухтару Ауэзову в Алма-Ату пришло письмо из редакции «Литературной газеты»: «“Литгазета” просит Вас принять участие в номере, посвящённом её двадцатилетию, и не позднее шестого мая прислать критические замечания о работе, пожелания на будущее».

Мухтар Ауэзов, поздравляя «ЛП» с юбилеем, подчёркивал: «Для нас, писателей всех национальных республик, как и для всех русских советских писателей, “Литературная газета” особенно дорога и близка, близка по-родному настолько, что, например, я, казахский писатель, искренне горжусь тем, что есть она – эта газета, как мой личный друг-советник, друг, требовательный и заботливо тревожный, ответственно и напряженно мыслящий, по-дружески откровенно прямолинейный в неудачах моих и готовый к настоящему сорадованию в успехах моих».

Гордимся ею и потому, что ни одно другое литературное движение в мире не имеет такого органа, столь популярного в народе и объединяющего столь великое множество литератур и литераторов...

Находясь на разных, порой далёких друг от друга концах нашей необъятной родины, бесконечно дорого чувствовать и сознавать, что через эти встречи мыслями на страницах “Литературной газеты” мы, писатели всего Советского Союза, находимся в постоянном взаимодействии, в состоянии взаимного обогащения идеями, знаниями, свежими чувствами нового...»

18 мая 1953 года «Литературная газета» опубликовала «Открытое письмо в редакцию» Мухтара Ауэзова, где он даёт отповедь местным, казахстанским критикам: «...Основное русло моих творческих устремлений за минувшее десятилетие и на ближайшие годы определилось моими романами о столетнем периоде жизни казахского народа. Полвека дореволюционного прошлого из этой истории я связываю с именем поэта-классика Абая...»

Где-то через месяц после публикации данного письма состоялось заседание Секретариата Правления Союза писателей СССР под председательством

Константина Симонова. Выступили Н. Тихонов и В. Кожевников, они осудили попытки политической дискриминации Мухтара Ауэзова и поручили «Литературной газете» выступить в защиту автора эпопеи «Путь Абая».

Всё это, как и многое другое, связанное с нашим общим литературным прошлым, отражено в этом академическом собрании сочинений, которое готовилось и издавалось в течение пятнадцати лет, на стыке веков и тысячелетий. Я так уверенно пишу об этом, потому что мне выпала честь стать руководителем этого уникального издательского проекта, осуществлённого на казахском и русском языках.

Необходимо особо отметить, что писатель Мухтар Ауэзов не являлся простым очевидцем века, ровесником которого он был. Сполна испытал из суровой чаши судьбы, познав в конце 20-х годов несправедливость репрессий, находясь в тюремных застенках Ташкента и Алма-Аты. А затем, отстаивая страницы своих произведений и главного труда своей жизни – эпопеи «Путь Абая», не раз и не два терпеливо писал объяснительные письма на имя И. В. Сталина, А. А. Жданова, М. А. Суслова, доказывая высокохудожественную необходимость своих литературных произведений. И в этом ему всей душой помогали русские писатели Москвы – известные мастера литературного слова. Воистину, надо иметь непоколебимую силу духа, чтобы выстоять во имя высокой цели.

И снова хочется подчеркнуть заметную роль редакции «Литературной газеты», ставшей на защиту казахского писателя, который в те суровые годы вынужден был покинуть родину и поселиться в Москве.

Фонд защиты казахского исторического и культурного наследия принял решение о признании Мухтара Ауэзова «Человеком века», а 3 ноября 2009 года решением Геральдического гуманитарного фонда при президенте Российской Федерации М. О. Ауэзову посмертно присуждено звание «Личность Петербурга». Музею имени Мухтара Ауэзова были переданы диплом и серебряная медаль с изображением Петра Великого. Необходимо отметить, что в 20-е годы прошлого столетия писатель окончил Ленинградский университет, а в начале 50-х, когда вынужден был покинуть Казахстан, преподавал на кафедре литературы народов СССР при Московском университете. О счастливой и драматической судьбе писателя в 2006 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» вышла книга «Мухтар Ауэзов» Николая Анастасьева.

Лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии, Мухтар Омарханович Ауэзов был в то же время крупным литературоведом, доктором наук, профессором, академиком Национальной академии наук. В 1997 году под эгидой ЮНЕСКО прошли юбилейные торжества, посвящённые 100-летию со дня рождения писателя – в Казахстане, России, Франции, Узбекистане, Турции, Киргизии, Белоруссии...

«Печальная степь – родная мать, родной край – Борили» – эти слова любил повторять Мухтар Ауэзов, вспоминая место своего рождения на земле Чингизтау, что находится в Восточном Казахстане.

Небезынтересно, что первым опубликованным литературным материалом Мухтара Ауэзова является статья «Особенности характера казахов», которая вышла в газете «Алаш» 30 марта 1917 года. А затем были долгие годы творчества и познания мира. Ранние рассказы сменялись повестями и драмами, научными статьями и очерками по истории казахской литературы. И все эти годы борьбы за чистоту и глубину художественного слова писатель вынашивал и писал главами, частями, отдельными книгами эпопею. Эта эпопея – «Путь Абая» в четырёх томах – выдержала более 160 изданий на пятидесяти языках народов мира.

* * *

После выхода книги Мурата Ауэзова «Вре́мён связующая нить» «Литературная газета» опубликовала небольшую статью «Странник», в основу которой вошло моё вступительное слово к этой книге. А книга была подготовлена к выходу в свет издательским домом «Жибек жоль».

СТРАННИК

Есть личности, у которых свой отсчёт, географический, этический, своя стезя в этом календаре нашего бытия. Странники, в странствиях и скитаниях познающие физические и духовные ландшафты родной земли и дальних краёв.

*Я ухожу, за мной луна плывёт,
Храня ключи в котомке южной ночи.*

Начиная с середины шестидесятых годов прошлого столетия многие события в культурной, литературной и политической жизни Казахстана ощутимо связаны с мировоззрением и жизненной позицией Мурата Ауэзова. Это «Жас Тулпар», проведение «запрещённого вечера» поэта Махамбета, V Конференция писателей стран Азии и Африки (Алма-Ата, сентябрь 1973 года), изучение и осмысление феномена номадизма, системная организация переводческого дела в Казахстане, участие в создании и деятельности Международного антиядерного движения «Невада – Семей», экспедиция ЮНЕСКО «Шёлковый путь – путь диалога», служение идеям демократии и парламентаризма с первых лет суверенного Казахстана, дипломатическая миссия, работа в кино и на телевидении и многое, многое другое... Всё это органично воплотилось в настоящую книгу – Китап, которая и по сакральным страницам, и по векторам участия в делах мира – большого и малого – является Избранным жизни и

Сдаем в типографию книгу Мурата Ауэзова «Вре́мён связующая нить».
А. Басенов, Л. Утебаева, Б. Хабдина, С. Ананьева, Б. Канапьянов,
С. Жауынбаева. 2016 год.

творчества автора. Отсюда альфа и омега данной книги – от места его земного рождения, через скитания, странствия, лишения, познание себя в мире и мира в себе, приход к родине своих предков, дальних и ближних. Все мы уходим, чтобы вернуться. Okрепшими. В данном случае – Книгой!

Странствуя по материкам и странам, по книгам, рукописям и манускриптам, с самой далёкой юности и молодости впитывать радость жизни и проникаться пониманием единства многомерного мира. Отстаивать с чувством собственного достоинства ценность человека Степи. Либеральная терпимость отходит в сторону, когда встаёт вопрос о корневой системе национального бытия. Это и есть жизненная позиция автора, ярко и своеобразно проступающая со страниц этого произведения. Уверен, как издатель и читатель книг Мурата Ауэзова, что эта книга точно так же будет щедро рассыпаться и на цитаты – литературные, национальные, общественно-политические.

Первая книга М. Ауэзова, изданная почти полвека назад, называлась «Вре-мён связующая нить». Книга с этим же названием сейчас перед нами. Не рвётся связь времён и культур мира, прочна невидимая нить нашего Странника. Она той же природы, что и нить, которую искал шекспировский Гамлет в «неблагополучном королевстве датском». Не это ли называл Пушкин «странными сближениями» нашего бытия? Странствия и страны... И слово вновь двоятся в силу вечной тайны своей первоосновы. И вновь в шелесте страниц этой удивительной книги мне слышен отдалённый гул веков и гул современного лайнера, слышна неспешная поступь странника, имя которому – Мурат Ауэзов.

*г. Москва, «Литературная газета»,
5 апреля 2017 г.*

ДЕМИУРГ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Думаю, таких длинных поэм, как «Евгений Онегин» или «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, больше не будет. И эпоса не будет. Исчез синкретизм, когда человек в единственном числе был и актёром, и сказителем, когда, как кто-то сказал, был «карнавал чувств». А ведь ещё в начале XX века существовали люди, которые с ходу, «с листа» создавали первозданные произведения, шедевры. Жыршы мог в течение нескольких дней каждый вечер исполнять что-то новое. Спасибо прошлому веку – мы всё это записали, «инвентаризировали». Сегодня остался, правда, ещё айтыс, но это уже не та космичность и плотность чувств.

Уплотнённое время сказывается на величине произведений, роман исчезает, на смену ему приходит повесть. В последнее время казахстанский роман был историческим – самосознание шло из глубины веков. Вспомним Ауэзова, Есенберлина, Нурпеисова, Симашко, Жунусова, Кекильбаева, Магауина. Эпопея Мухтара Ауэзова «Путь Абая» – это вообще, по утверждению Каныша Сатпаева, энциклопедия жизни казахов второй половины XIX века.

* * *

Известный российский учёный Алексей Давыдов так анализирует программную работу Мурата Ауэзова «Уйти, чтобы вернуться».

«Я как русский и житель России считаю, что несу ответственность за многовековую колонизаторскую политику России в отношении Казахстана и полностью разделяю освободительный пафос следующих двух политических заявлений Мурата, содержащихся в его дневниках.

Первое заявление: “Осмысливая и изучая историю казахов в эпоху средневековья, мы, разумеется, не можем не видеть реально существовавших кровнородственных связей славян и тюрков. Но акцентировать на этом внимание, вычленять эти факты из контекста совсем другого содержания – мы не должны. Это могут делать гуманитарии славянской принадлежности. Что же до нас, то слишком много крови, унижений и т. п. между нами, чтобы сейчас, в нашей ситуации, в положении недвусмысленно колонизованного попираемого этноса, мы поднимали бы на щит былое эпизодическое родство. Политическое противостояние – главное, что нам предстоит осуществить”.

И второе заявление: “Осуществить подлинное единение двух главных этнических компонентов нашей земли можно, лишь сохраняя и укрепляя в себе чувство достоинства. В мировоззренческом плане это означает полную суверенность, абсолютную отстѣгнутость (по всему шву) от сытно-спесивого мировоззрения «галилеев». Набиваться в «родичи» в этой ситуации – полумера, компромисс, раблепный шаг. В тактическом отношении – обезболивающее, отвлекающее от главной цели действие. Россия – колонизатор. Истина проста и требует столь же ясного и определенного к себе отношения. Разумеется, мы вспомним о родстве и возрадуемся ему, но только потом, в будущем, когда осуществим свои политические притязания” (1978 год).

Дневники «Уйти, чтобы вернуться», написанные в 1978 году, вышли отдельной книжкой в 2002 году в нашем издательстве «Жибек жолы».

* * *

Многие могут упрекнуть, что Мурат Ауэзов генерирует свои идеи только на начальной фазе, на стадии зарождения – и только.

Но кому-то надо зажечь свечу, а истопников, поддерживающих жар идеи, всегда предостаточно.

* * *

Однажды в Самарканде на знаменитом местном базаре у меня увели бумажник. Ушёл в гостиницу удручённый и заперся в номере. Без денег, даже на сигареты ни копейки. Вдруг стук в дверь. Заходит Мурат Ауэзов, мы с ним вместе приехали по делам Великого Шёлкового пути, и даёт, разумеется, свои деньги.

– Зачем?! Откуда?

– Багдадский вор передал, – улыбнулся Мурат Мухтарович.

Аналогичная ситуация произошла в Париже. Но уже не со мной, с Диаром Кунаевым. И опять рядом был старший брат, друг и учитель Мурат Ауэзов.

Окончание в № 3, 2025.